

Дмитрий
СИЛЛОВ

КРОВЬ ОХОТНИКА

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Дмитрий Олегович Силлов

Кровь Охотника

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651945

Дмитрий Силлов. Кровь Охотника: АСТ, Полиграфиздат, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2011

ISBN 978-5-17-073397-2, 978-5-4215-2020-7, 978-5-9725-2004-6

Аннотация

Вот каков он, наш мир, на самом деле. Человечество – всего лишь живой корм для нечисти – оборотней и вампиров.

Эти твари беспощадно бьются между собой, однако для людей-то без разницы, кто их будет кушать.

Но уже грядет расплата. Имя ей – Охотник.

В его жилах течет кровь людей, ликанов и кровососов.

В его сердце – беспощадная ненависть к врагам.

Его жизнь – смертельная схватка с Древним Злом.

Удары меча и свист заговоренных пуль.

Боец спецназа Андрей Краев пришел в этот мир, чтобы вернуть его Людям!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Дмитрий Силлов

Кровь Охотника

Автор выражает искреннюю благодарность замечательному писателю Александру Мазину за мудрые советы, а также Алексею Лагутенкову и Маргарите Микрюковой за помощь в создании этой книги.

Кулак, похожий на колотушку для отбивания мяса, с еле слышным гудением пронесся над моей макушкой. Поток воздуха шевельнул коротко подстриженные волосы на голове. Хорошо, что я успел присесть, – а то бы Грогги гарантированно сломал мне переносицу и отправил в глубокий нокаут. А так у меня появилось полсекунды, которых вполне достаточно для резкого прямого удара локтем в центр грудной клетки и добавки кулаком в приоткрывшуюся печень противника. Остается только уйти в сторону, чтобы безвольное тело не завалилось на тебя.

Однако тело не завалилось, а лишь крякнуло и снова поперло в атаку.

Вот черт! Он что, из железа сделан?

Мне представилась возможность это проверить – забыв об осторожности, разъяренный Грогги в погоне за мной слишком далеко выбросил вперед правую ногу. Даже если он вообще не чувствует боли и печень у него не ведаёт, что такое

алкоголь, то коленный сустав-то у всех одинаков.

Я от всей души всадил голенью по внешней стороне колена этого буйвола – и мысленно поздравил себя с третьей победой. Мой любимый удар сработал как всегда на отлично – нога вошла куда надо и Грогги, споткнувшись, рухнул вперед. Однако при этом он умудрился протянуть вперед свои лапы, на мою беду оказавшиеся слишком длинными. Хотя в последнее мгновение мне показалось, что они непостижимым образом удлинились еще на несколько сантиметров.

Удар одного из кошмарных кулаков все-таки достал мою переносицу. Второй скользнул по ребрам, похоже не причинив особого вреда. Затылок упавшего Грогги окрасился кровью – но, к сожалению, это была не его кровь, а моя, хлынувшая потоком из сломанного носа.

Но бой все еще не был закончен.

Грогги, приняв кровавый душ, фыркнул и неожиданно резво попытался встать. Несмотря на коленный сустав, который ощутимо хрустнул под моим ударом. Любой другой боец с такой травмой давно бы уже корчился на татами. Надо будет потом выяснить у Папы Джумбо – что сожрал или вколол себе перед боем боец со звучным прозвищем Большой Грогги. Которого я до этого, кстати, в клубе не видел.

Тем не менее Большой Грогги поднимался с татами.

Что ж, бои без правил правил не предусматривают. Тем более что, если мой противник встанет, меня через несколько секунд вынесут отсюда вперед ногами – сломанный нос

уже давал о себе знать и головы зрителей покачивались сбоку от меня в темно-багровой дымке, словно протухшие яблоки, на закате вываленные рачительной хозяйкой в грязную лужу.

Я с размаху ударил ногой по голове противника как по футбольному мячу, метя в переносицу, – как вы нас, так и мы вам! Но багровый туман оказался обманчивым и удар пришелся на полдециметра ниже намеченной точки.

Черррт!!!!

Ощущение будто я крокодилу по пасти заехал.

Основание большого пальца проломило твердую преграду и провалилось в дыру, окаймленную осколками зубов, тут же взлохматившими кожу на пальцах ноги. После чего живой капкан захлопнулся, и я невольно взвыл от боли. Проклятые правила, запрещающие проводить бои в обуви! Теперь ноге труба! Если срочно не провести основательную дезинфекцию, бактерии с зубов Грогги вызовут острейшее инфекционное воспаление, излечиваемое только курсом мощных антибиотиков. На которые, кстати, денег нет в принципе.

Всё это промелькнуло у меня в голове за долю секунды, пока я выдергивал стопу изо рта противника. Хорошо еще, что рефлексорный спазм челюстей после моего удара не превратился в укус, которым Тайсон наградил Холифилда, – пожалуй, сомкни Грогги свои жвалы намертво, мясо с моей стопы съехало бы словно шашлык с шампура.

Между тем мой противник, мотая башкой и разбрызгивая во все стороны кровавые слюни, все еще пытался подняться

на ноги!

Да сколько ж можно?! На, получи, гад!

Еще два удара здоровой ногой пришили в висок и в горло Грогги.

Всё...

Папа Джумбо бросил на меня слегка обескураженный взгляд, потом наклонился над поверженным амбалом, похлопал его черной ладонью по щеке, после выпрямился и дал отмашку – нокаут.

Обожаю Папу за этот жест! Конечно, когда он машет своими запакованными в белые перчатки граблями не над моей больной головой, безвольно валяющейся на татами наподобие сильно помятой гнилой тыквы. В таком случае уже не до обожания кого бы то ни было. Потому как мыслей нет в принципе и абсолютно все равно, куда потащат тебя два дюжих санитаров «скорой помощи», нанятых Папой за фиксированную таксу в сто долларов за вечер. Как все равно это сейчас Большому Грогги, бережно складываемому на брезентовые носилки теми самыми санитарями в несвежих белых халатах.

Но в следующую минуту у меня появился весомый повод возненавидеть чернокожего руссоамериканца до конца дней своих.

На нашем родном Папа Джумбо изъяснялся так, словно родился не в Республике Конго, а в районе Рублево-Успенского шоссе. Где у него, кстати, в настоящее время имелся

нехилый особняк стоимостью примерно в годовой доход вышеупомянутой африканской республики. Этот урод, закончив семафорить, набрал в грудь воздуха и возопил голосом, не требующим помощи мегафона:

– Леди и джентльмены! Только что вы видели убедительную победу нокаутом героя сегодняшнего вечера Андрррея Кррраева по прозвищу Лоу. Однако для того, чтобы стать обладателем главного пррриза, господину Лоу пррридется одержать еще одну победу в показательном бое с чемпионом прррошлого вечеррра Серрргеем Аррртемыевым по прозвищу Мангуууст!

Вот дьявол! Похоже, в связи с финансовым кризисом Папа Джумбо ввел новые правила. Главный приз – тысяча долларов – раньше давался тому, кто победил в финальной схватке. В предыдущих боях проигравший получал сто баксов за участие, выигравший – триста. Итого к концу вечера в случае удачи набегало девятьсот плюс тысяча премиальных. Сумма вполне подходящая для того, чтобы и травмы подлечить, и на жизнь осталось более-менее прилично. До следующего боя, разумеется.

Сегодня же для того, чтобы получить вожденную тысячу, предлагалось повоевать с четвертым противником. Который, в отличие от предыдущих, не махался наравне с тобой, взбираясь на вершину бойцовской пирамиды, а спокойно разминался в раздевалке, лениво попинывая стокилограммовый мешок, молотя кулаками собственную тень и строя

зеркалу зверские гримасы.

Старые правила были просты – первые четыре боя проводят восемь бойцов, потом две пары, составленные из победителей, бьются во втором круге и, наконец, финальный поединок, когда оба бойца измотаны до предела, но, тем не менее, бой идет на равных. Нынче же шансы на победу были практически равны нулю. Особенно в моем состоянии...

– Конечно, победитель может отказаться от последнего поединка, – провозгласил Папа Джумбо, глядя на меня в упор. Его блестящее лицо, подсвеченное софитами, в сочетании с рыбьими глазами навывкате, курчавой седой шевелюрой и пропитанной лаком для волос мефистофелевской бородкой казалось маской африканского демона, вырезанной из черного дерева. – Но тогда финальный приз останется здесь и подождет бойца, который действительно хочет его забрать!

...Двести – врачу, двести – антибиотики, пятьсот – раздать долги. А за квартиру чем платить? А жить на что пока морда заживет и можно будет на людях показаться? Через час ее разнесет так, что родная мать не узнает.

– Так что решил наш победитель?!!!

Папа Джумбо смотрел на меня, скаля белоснежные зубы. Зрители платят за кровь, и сегодня они видели ее предостаточно. Но они хотят еще. Что ж, клиент всегда прав.

Я кивнул.

– Суперрригrrrra! – взревел Папа Джумбо.

Ему было понятно – больше минуты мне не выдержать. И я тоже это знал на сто процентов. Если сейчас, объявив перерыв, начать обрабатывать мою ногу и рихтовать портрет, то со стула я уже не встану. Потому Папа постарался не затягивать прелюдию.

– И сейчас на татами выходит – Мааангуууст!

Зрители приветствовали объявление жидкими хлопками. Многим из них вообще было впадлу лишний раз шевелиться – положение в обществе не позволяло. Закрытые бои без правил, без защитных приспособлений и без судей, до нокаута со времен римских гладиаторов были развлечением для элиты, способной платить за настоящую, не постановочную кровь.

Итак, Мангуст...

В отличие от Грогги, который непонятно откуда свалился на мою голову, о Мангусте я знал кое-что. Видел в записи пару боев этого невзрачного с виду парня. И не сказать что они меня сильно впечатлили.

Мангуст был, бесспорно, быстр и ловок, но я всегда считал, что хороший сметающий удар бойца средней весовой категории в рукопашном бою намного предпочтительнее быстрых ударов легковеса. Потому для себя я решил заранее – буду лупить «на контур» серией из цикла «куда попадешь». Отстреляюсь – и рухну, потому как на большее сил точно не останется. Тем более что в общем-то я ничего не теряю, кроме, возможно, здоровья, – деньги, заработанные за предыду-

щие бои, по-любому останутся со мной. Но будем надеяться, что Мангуст с его скоростными тычками в стиле кунг-фу не доставит мне особенных неприятностей.

Над сеткой, ограждающей татами, взлетело сухопарое тело. Красивый выход, ничего не скажешь. Может, и я бы так попробовал – разбежаться, оттолкнуться от расположенного под наклоном ограждения и, войдя в кувырок, приземлиться с эффектным выходом на ноги. Но, боюсь, сетка порвется – во мне веса, считай, на двух Мангустов хватит. Не Грогги, конечно, но и не кунгфуист с высушенным телом модели для рисунков в учебник анатомии.

Да и к тому же зачем так расходовать энергию перед боем? Хотя ему можно, он три схватки подряд через себя не пропустил, так что пусть попрыгает...

Полезно разогреть себя наигранной ненавистью к противнику, особенно когда делаешь ставку на одну-единственную минуту. Оно и боль отключает, и концентрации помогает, изгоняя из головы кровавый туман, постепенно затапливающий сознание.

Кстати, боли не было. Вообще. Ну, что сломанный нос не болит несколько минут после перелома, я помнил еще с удара коленом, полученного пару месяцев назад от заезжего тайца. А вот почему стопа не посылает в мозг истошных сигналов, мол, не ходи на мне, хозяин, а то отключишься на фиг? Я только разок глянул вниз – и поспешно перевел глаза на Мангуста, рассылающего публике воздушные поцелуи. Не

способствует как-то поднятию настроения вид собственной ноги, по которой будто небольшим плугом прошлись. И пара окровавленных костей виднеется между лохмотьями кожи. Бррр! Но – не болит! Стало быть, плевать на травмы, еще повоюем.

Двигался Мангуст легко, словно гравитации для него не существовало. Прямо летал над татами, выписывая ногами вензеля в воздухе. Этого я тоже не понимаю. Пару минут таких выкрутасов – и дышалка по-любому даст о себе знать, пусть ты даже родился в спортзале. А этот знай себе скачет, публику развлекает. Ну и пусть кувыркается, мне же лучше.

Остановился наконец. Ко мне повернулся. Улыбается, словно друга встретил закадычного. Я б тоже осклабился, мне не трудно. Только боюсь, что от напряжения лицевых мышц из носа снова кровяшка хлынет – она только-только приостановилась. А вот поклониться в ответ придется – иначе сочтут полным невежей.

Я слегка качнулся корпусом вперед, и мой взгляд снова невольно упал на покалеченную ногу...

Так-так. Все несколько более погано, чем казалось на первый взгляд. Хотя и на первый взгляд вполне достаточно для легкого шока, если человек не хирург и не мясник-профессионал.

Между обнажившимися костями стопы торчал белый осколок. Похоже, Грогги оставил во мне на память существенную часть своего зуба.

Папа Джумбо перехватил мой взгляд и шагнул ко мне.

– Одну секунду, господа, – лучезарно улыбнувшись зрителям, проорал он. – У нашего героя в ногу застрял зуб его поверженного врага!

Говорят, Папа Джумбо в свое время закончил институт имени Патриса Лумумбы и заодно Первый медицинский. По этой причине он умел не только красиво изъясняться, но и по мере надобности самолично вправлять суставы, накладывать гипс и штопать раны своих подопечных. Нас то есть. За что и получил прозвище Папа.

Вот и сейчас Папа Джумбо, предупредив мое движение, быстро снял с руки белую перчатку, наклонился и своими длинными пальцами ловко извлек кусочек кости из моей раны. Ему бы не бойцовским клубом владеть, а хирургом работать – цены б ему не было. Но у каждого человека свое призвание. Папе вот, к примеру, подпольным клубом заправлять. А мне работать у него пушечным мясом...

Поток моих мыслей вдруг прервался, словно в голове кто-то взорвал небольшую вакуумную бомбу. Подобная пустота случается в двух случаях – когда ты поймал нокаут, либо когда внезапно увидел нечто из ряда вон выходящее, например экстремально красивую леди. Однако сейчас это была совсем не особа противоположного пола.

Мангуст стоял столбом, не отрывая взгляда от зуба в пальцах Папы, словно это был не фрагмент поверженного мной верзилы, а змея хрестоматийная, гремучая, двухмет-

роворостая, о двенадцати жалах. И настолько мало было в том взгляде человеческого, что я невольно поежился. Потом Мангуст медленно перевел взгляд на мою ногу.

И тут мне реально стало не по себе. Такие глаза я видел у медведя-людоеда в дальневосточной тайге, когда с бандитской пулей в бедре валялся под какой-то корягой. Зверь словно прикидывал, откуда сподручнее начать меня есть, неспешно оглядывая будущий обед с головы до ног.

Но медведь был животным, явлением хоть и смертельно опасным, но понятным. И тогда мне повезло больше, чем ему.

Сейчас же то, что я видел, не лезло ни в какие ворота.

Лисья мордочка Мангуста заметно вытянулась вперед. Гладко выбритые щеки и подбородок стремительно покрывались щетиной. А зрачки глаз стали вертикальными щелочками, более приличествующими животному, нежели человеку, пусть даже со звериным прозвищем.

Я зажмурился и тряхнул головой, прогоняя багровый туман, в котором плавало это жуткое видение. В носу возникло неприятное ощущение, словно у меня вырос небольшой хобот, – организм деликатно напоминал, что мотать башкой в моем состоянии не есть самый лучший способ отгонять от себя монстров. Но метод сработал – когда я открыл глаза, в нескольких метрах от меня стоял и улыбался Мангуст без каких-либо видимых признаков принадлежности к фауне.

Папа Джумбо поднял руку и разрубил ею воздух между

мною и Мангустом. Что ж, и вправду пора начинать, пока еще мои неоднократно сотрясенные мозги способны воспринимать более-менее объективную информацию, а бред генерируют лишь эпизодически.

Я шагнул было вперед, поднимая кулаки на уровень лица, – и только-только успел отпрянуть в сторону от летящей на меня смазанной тени, в которую превратился Мангуст. Такого я на записях его боев не видел. Быстр, да, но не настолько, чтобы становиться почти невидимым при перемещениях в пространстве...

Мало кто смог бы уйти от такой атаки без ущерба для себя.

Пальцы Мангуста, согнутые и жестко зафиксированные в положении «лапа леопарда», летели мне в горло. И не отклонись я в сторону чисто на автомате, валяться бы мне сейчас на татами с разбитым кадыком, хрипя и пытаясь протолкнуть в легкие последнюю в моей жизни порцию воздуха. Но меня спасли рефлексы, наработанные за долгие годы, и большой палец противника лишь зацепил и распорол кожу на шее.

Я почувствовал, как тёплое потекло мне на грудь.

Так, еще одна дыра в моем организме за сегодняшний день. Пальцем он вряд ли мог сделать такое, скорее всего, специально ногти отращивает и укрепляет по методам «звериных стилей». В древности китайские ниндзя из клана Линь Гуй смазывали ногти ядом. Слегка царапнул врага – и

привет. Хотелось бы верить, что Мангуст не настолько продвинулся в освоении ударов «лапой леопарда».

Однако мне следовало пошевеливаться – промахнувшись, мой противник уже разворачивался для новой атаки.

Кровь из порванной шеи, как ни странно, добавила мне сил – мозг затопила холодная ярость. Парень явно собирался убить меня своим ударом, чего даже в подпольных боях без правил бойцы стараются не допускать.

Что ж, коли так – не обессудьте...

Я почувствовал, как все человеческое покидает меня, словно воздух проколотую шину. Пятая степень жесткости атаки. Состояние берсерка¹. Когда то, что ты делаешь, от тебя не зависит. Плохое, очень плохое состояние для продвинутого бойца. Бесконтрольная атака на уничтожение. Потом ты вряд ли вспомнишь, что делал и как так получилось, что твой противник валяется на полу, корчась от боли или еще хуже – в виде изуродованного куска мяса без признаков жизни. И потом тоже будет плохо – как от осознания того, что ты наделал, так и от последствий перерасхода нервной энергии.

Но краем сознания я все-таки фиксировал происходящее, словно вися в паре метров над татами и наблюдая за боем немного со стороны. Такое тоже бывает. Кто-то из моих многочисленных тренеров говорил, что в подобном состоянии

---

¹ Берсерк (старонорвежск. berserkr, «медвежья шкура») – в древнегерманской и скандинавской мифологии воин, в приступе боевого безумия способный превращаться в медведя.

из человека выходит душа – и отдельные личности в древности могли видеть эти души. А потом те личности называли себя скальдами и сочиняли саги про валькирий, мечущихся над полем боя и собирающих души убитых. Хотя, думаю, души берсерков, которых принимали за тех самых валькирий, не охотились за подобными себе, а просто старались в пылу битвы не проворонить собственную воющую плоть, в которой не осталось ничего человеческого...

Оставляя на полу кровавые следы, я перемалывал пространство перед собой сметающими ударами конечностей наподобие гигантского вентилятора. Как ни был быстр Мангуст, но попадать под такую молотилку в его планы не входило. Потому что никаким блоком не остановить удар, в который вложена масса всего тела, – сметет вместе с блоком. Остается только уходить, маневрировать... и ждать, когда у противника кончатся силы, и он превратится в безвольный мешок из мяса и костей, перерасходовав все допустимые резервы организма.

Но на татами, огороженном стальной сеткой, особо не поманеврируешь – места не хватит. Загнанный в угол Мангуст высоко подпрыгнул, рассчитывая перелететь через меня... и это ему удалось. Однако в момент, когда его ноги коснулись татами, сверху на него обрушился «хаммер» – удар-молот, которым бойцы российского спецназа крушат стопки кирпичей на показательных соревнованиях.

«Хаммер» пришелся по ключице Мангуста. Ребро кулака легко сломало хрупкую косточку и провалилось в мясо. Второй удар – по затылку. Третий – в лицо...

Тело Мангуста сотрясилось под градом ударов. Другой бы уже давно валялся в нокауте, но худой кунгфуист лишь по-кошачьи изгибался, пытаясь уйти от атак, словно в его теле вообще не было костей...

Внезапно картинка смазалась, и я осознал себя в собственном теле.

Я лежал на спине, воткнувшись лопатками в жёсткий японский мат, мои ноги были сцеплены в борцовский захват, а на моем бедре лежал локтевой сустав Мангуста. Обхватив обеими руками его предплечье, я давил книзу, преодолевая силу, которой не может, просто не может быть в руке человека, ломаемой в таком положении.

Я уже видел краем глаза, как медленно, слишком медленно рванулся в нашу сторону Папа Джумбо, стремясь предотвратить фатальную травму...

Но Мангуст не сдавался. Он рванулся, с нечеловеческой силой выдирая руку из захвата, – и мне ничего не оставалось, как прогнуться «мостиком», ставя в нашем поединке логическую точку.

Послышался слабый хруст, рука противника провисла плетью – и тут я ощутил резкую, нестерпимую боль в области икроножной мышцы. Рефлекторно дернувшись, я увидел, что Мангуст висит на моей ноге, вцепившись в нее зу-

бами, словно бультерьер, и жует мое мясо, перехватывая его челюстями и стремясь захватить побольше.

Я резко согнулся, обхватил голову противника и вдавил большие пальцы ему в глазницы. Бесполезно. Я видел, как из уголков его рта брызжет алая артериальная кровь. Моя кровь. Которой я за сегодняшний день и так потерял слишком много. Тварь, грызущая мое мясо, убивала меня, и мне больше ничего не оставалось делать, как резко протолкнуть пальцы в глубь ее черепа.

Над татами разнесся утробный, нечеловеческий вой. Это орал Мангуст, у которого вдруг резко пропал интерес к моей ноге. Потому что собственные глаза всегда важнее чужих конечностей. Чем я и воспользовался. Я полз по татами, потому что у меня уже не было сил подняться, а сзади меня выл-стонал Мангуст. Точно так же, как несколько лет назад в дальневосточной тайге стонал медведь-людоед, в глаз которого я вогнал свою последнюю пулю.

Меня рвали на части десятки жутких тварей с горящими глазами. Казалось, будто в их черепа кто-то вмонтировал по паре ярчайших фонариков, при помощи которых они вполне успешно выискивают на моем теле наиболее аппетитные куски мяса. Несколько странно видеть, как из тебя выдирают шматы плоти, хорошо тебе знакомые, которые ты привык мыть, греть, одевать, холить и лелеять. Оказывается, все это делалось много лет лишь для того, чтобы какая-то собакооб-

разная скотина откусывала их от тебя и с задумчивым видом гурмана проглатывала, прикрывая при этом свои фонари лишенными ресниц веками и анализируя степень благотворного воздействия данной пищи на ее омерзительный организм.

Какой-то особо отвратный гад, сильно похожий на зубастый полуразложившийся труп, повис на моем предплечье и глодал его, словно давно не кормленный цепной пес. Мяса на руке уже почти не оставалось, но пошевелиться я не мог, и потому ничего мне больше не оставалось, как безучастно наблюдать за пиршеством.

Казалось бы, какая разница, кто именно тебя сожрет? Но все равно лично я бы предпочел, чтобы в данном критическом положении меня кушал не мертвец со стажем, а хотя бы вон та белая волчица, которую, наверно, оттерли от пиршества более крупные и нахальные сородичи. Она, обернув лапы хвостом, сидела столбиком в сторонке и наблюдала за происходящим. Почему-то мне показалось, что в ее глазах имелась некоторая толика сочувствия. От которой сострадание к самому себе проснулось и у меня. Вместе с некоторыми двигательными способностями.

Наиболее отталкивающим был, несомненно, протухший кадавр. Потому я с него и начал.

Рванувшись всеми оставшимися костями, я немного высвободил руку из его хватки и со всей мочи треснул сжатыми в кулак фалангами по проваленному носу. Кадавр взвыл, взлетел в воздух, завис надо мной и вдруг весьма чувстви-

тельно отвесил мне с левой ноги увесистую пощечину. Я попытался отловить летающий труп за конечность, но вторая убедительная пощечина заставила меня отказаться от своих намерений.

И заодно осознать, что зверообразные твари есть не что иное, как разводы на полуоторванных обоях, а летающий труп – лишь тень на потолке от дерева, растущего за давно не мытым окном.

Но на границе перехода от сна к действительности человеческий мозг еще не может адекватно воспринимать ни то ни другое. Потому, когда откуда-то слева ко мне качнулась абсолютно черная тень, я на полном серьезе на мгновение воспринял ее как продолжение кошмара и заорал, готовясь пнуть инфернальное существо изо всей дурацкой мочи. Получилось не очень – из груди вырвался придушенный хрип.

– Не ори, – сказала инфернальная тень, сверкнув ослепительно-белыми зубами. – Не дома.

Тень говорила голосом Папы Джумбо, и это меня несколько успокоило.

– А почему... не дома? – спросил я, с трудом ворочая шершавым языком.

– По кочану, – ответил адаптированный к русскому сленгу уроженец Республики Конго. Он подошел к окну, осторожно выглянул на улицу, после чего задернул линияющую занавеску и включил свет. – Не хрена тебе там делать.

Объяснение показалось мне недостаточно аргументиро-

ванным и я озвучил свои сомнения.

– Почему не хрена?

Вместо ответа Папа Джумбо опустился в недовольно скрипнувшее кресло совковых годов выпуска и некоторое время задумчиво смотрел на меня, облокотившись на подлокотник и подперев кулаком квадратную челюсть. После чего, вздохнув, протянул руку к тумбочке, сработанной из кондовой советской ДСП, выдвинул верхний ящик и извлек оттуда деревянную коробку, спички и причудливо изогнутую черную трубку. Откинув резную крышку, Папа набил трубку сыпучей смесью, поджег и принялся неторопливо раскуривать. Я терпеливо наблюдал за процессом, справедливо полагая, что до его окончания Папа будет нем как истукан, сработанный из мпинго, легендарного черного дерева его родины.

Такой истукан стоял в углу комнаты и неодобрительно смотрел на меня слегка выпученными глазами. Справа от истукана на стене висела африканская маска, утыканная перьями и хвостами, за которыми угадывалась жуткая гримаса раскрашенной личины.

В принципе, я уже несколько месяцев знал Папу Джумбо – и в то же время ничего не знал о нем, как работник зачистую весьма мало знает о том, чем занимается начальство в свободное время. Да и вряд ли можно было назвать Папу начальством.

Когда закончился мой контракт и отцы-командиры не захотели его продлять ввиду исключительной вредности мое-

го характера, мне ничего не оставалось, как вернуться в родную столицу. Которая, увы, не встретила ветерана спецназа с распростертыми объятиями.

Навыки рукопашного боя и ёмкая биография – детство, школа, кикбоксинг, училище, сават, чемпионат, десант, контракт – несомненно, вызывала определенное уважение у тех, кто ею интересовался, листая мою трудовую книжку. Но дальше пролистывания дело не заходило. Работодатели в условиях наступившего финансового кризиса либо предлагали слишком мало, либо хотели слишком много, предлагая при этом условия лишь немногим лучшие. Обзвон друзей-знакомых, дембельнувшихся ранее, результатов не дал – бывшие товарищи по оружию либо сами находились в незавидном положении, либо оставленные ими телефоны оказывались неактуальными.

Последним тогда я набрал телефон Руса, бывшего командира моего отделения. И не потому, что в списке «друзья» Руслан Бельский стоял последним. Скорее, в этом контексте его надо было набирать первым. Но просто я был уверен, что Рус до сих пор считает, будто обязан мне жизнью. И при таком коленкоре беспокоить его просьбой о помощи с моей стороны – последнее дело. Но в той ситуации это и вправду было для меня «последним делом». Дембельский гонорар был добросовестно проеден, и я, отвыкший от реалий гражданской жизни, совершенно не представлял, как сейчас такие как я зарабатывают себе на жизнь.

Рус поднял трубку после первого же гудка, словно ждал моего звонка, – и искренне обрадовался. Дембельнулся он на два года раньше меня по ранению, вследствие которого должен был ходить всю жизнь на костылях или кататься на инвалидной коляске – кстати, еще одна причина, по которой напругать парня своими проблемами решительно не хотелось. Но не успел я сказать «приветстариккакдела», как Рус перебил меня самым бесцеремонным образом, радостно заорав в трубку:

– Краев, ты? Наконец-то! Ты в Москве? Давно? С полмесяца? А какого хрена не звонил? В общем, так, хватай тачку и мухой на «Белорусскую»! Встречаемся в «Колхи» через час!

Выяснив, что «Колхи» это «так, один кабак», я выскреб из кармана мелочь и, решив, что метрополитен имени Ленина есть в моем положении оптимальный аналог «тачки», поплевал на ладонь, пригладил отросшие за две недели волосы и, таким образом покончив с приготовлениями, выехал на randevu.

«Так, один кабак» оказался роскошным рестораном, занимающим аж два этажа. Возле входа во дворе стояли рядом как на выставке «Х5», «Х6», пятисотый «Мерин» и «Майбах». Швейцар-охранник в кавказском национальном костюме с кинжалом на поясе, больше напоминающим короткий меч, подозрительно окинул взглядом мой пятнисто-камуфлированный прикид и гортанно спросил «у вас заказа-

но?». Взгляд мне не понравился, но, памятуя свое нынешнее социальное положение, я выдавил из себя «меня Бельский ждет».

Тогда мне показалось, что на охранника вылилось невидимое ведро благодати, настолько умильной стала его разбойничья физиономия. Меня чуть не на руках препроводили на второй этаж, где в отдельной кабинке, пригодной для приема целого взвода бойцов, за необъятным столом в обществе фигурной бутылки «Hennessy Paradis» скучал мой боевой товарищ. Ожидаемых костылей рядом с ним не наблюдалось. Зато на нем наблюдался дорогой костюм, а на пальце – перстень с крупным черным камнем.

Не привыкший к таким заведениям, я и так чувствовал себя как слон в посудной лавке. Но внешний вид Руса, пружинисто выскочившего из-за стола и с довольной рожей принявшегося трясти мою руку и хлопать по плечу, привел в окончательное изумление. Я ожидал увидеть калеку в дешевой закусочной, а вместо этого из меня в дорогом ресторане с неожиданной силой вытрясал душу загорелый бизнесмен без малейших признаков застарелых увечий.

Когда у Руса несколько иссяк фонтан дружеских чувств, я, потирая слегка помятую кисть, наконец, уселся на широкую лавку с подушками. После чего был немедленно накормлен шашлыками (что было весьма кстати) и напоен коньяком, цена которого была недоступна моему пониманию.

Более того – в кабинку зашел плечистый мужик в дорогой

джинсе и, вежливо поздоровавшись, спросил у Руса:

– Все ли в порядке, господин Бельский? Вы и ваш друг довольны?

– Спасибо, Георгий Николаевич, всё как обычно замечательно, – кивнул Рус.

– Ну, тогда не смею больше беспокоить, – улыбнулся мужик. – Хорошо вам отметить встречу.

– Кто это? – спросил я, когда джинсовый дядька вышел из кабинки.

– Хозяин ресторана, он из наших, – небрежно бросил Рус. М-да... Если Бельский хотел произвести на меня впечатление своей крутостью, то ему это удалось в полной мере.

Пара часов протекла незаметно в воспоминаниях и то-стах. Наконец, когда поток взаимных эмоций немного иссяк, я рискнул поинтересоваться:

– Рус, но ты же...

– Должен быть в инвалидной коляске и побираться на улице? – хмыкнул мой боевой товарищ, сверкнув белоснежными зубами. – Должен. Но можешь считать, что мне повезло. Второй раз в жизни. Первый раз друг жизнь спас, второй – после дембеля не забыли старые друзья, помогли подняться.

– Да ладно, заканчивай, – махнул я рукой. – Сколько можно уже «жизнь спас, жизнь спас»? Будь ты на моем месте, сделал бы то же самое.

Рус покачал головой, потом провел растопыренной пятерней по короткостриженным волосам от лба к затылку – жест-

паразит, когда-то давно позаимствованный у командира подразделения. У меня то есть. Отмазки ради упомянутый командир утверждал, что после этого ему лучше думается. Судя по результатам, на гражданке данный жест пока что помог Русу лучше чем мне.

– Но тогда ты оказался на том месте. И я этого не забуду.

Я вздохнул. Бойцы спецназа порой склонны к некоторой сентиментальности в отношении таких моментов, и, похоже, в случае с Русом я стал ее жертвой надолго.

– Потому есть предложение, – сказал Рус, обозначив на лице непреклонную решимость затащить меня в какую-то авантюру. – Думаю, с деньгами у тебя не очень. Потому давай прямо завтра за тобой заедет мой водитель, и я повезу тебя знакомить с вожаком клана.

– С кем? – удивился я.

– Ну, это мы шефа так зовем, – слегка смутился Рус. – Я тебя отрекомендую как полагается и попрошу, чтоб он разрешил нам вместе работать. Думаю, он не откажет.

– А чем заниматься надо? – осторожно поинтересовался я.

– Торговля сопутствующими товарами, – ухмыльнулся бывший командир отделения моего взвода. – И ликвидация проблем с конкурентами.

– Товарами, сопутствующими чему? – уточнил я.

– Сопутствующими запросам тех, кто живет и дает жить другим, – туманно объяснил Бельский. – Да ты не замора-

чивайся. Пока в офисе пооботтрешься, вникнешь в систему, доверие коллег приобретешь, а через пару недель...

Рус пошевелил пальцами в воздухе, подбирая слово.

– ...ну, в общем, через пару недель мероприятие будет ежемесячное, типа корпоратива, все наши соберутся. Там и иници... в общем, введу тебя в круг.

Что-то не нравились мне все эти мутные Русовы «кляны», «круги» и мероприятия, замешанные на «сопутствующем товаре». Чисто интуитивно не нравились. Вполне может быть, что еще не адаптировался я к современной городской жизни, не понял, так сказать, своего счастья. Но вот так резко и с ходу влезать в сомнительные мероприятия как-то не хотелось. О чем я и сказал своему бывшему подчиненному.

– Почему-то я так и думал, – вздохнул Рус, разливая пахнущую шоколадом золотисто-коричневую жидкость по рюмкам уже из третьей бутылки. – Хотя оно и понятно. Я тоже со службы таким же вернулся. С полгода в себя приходил, пока разобрался, что к чему в современной жизни. Так что – понимаю. Как и то, что с нашими навыками и биографией мы никому здесь на фиг не нужны. Разве только в охрану или в киллеры...

Рус задумался на миг, а потом прищелкнул пальцами.

– Есть одно место, – сказал он. – Как раз по тебе. Сплошной экстрим. Деньги, конечно, не те, что нашему брату по статусу положены, но жить можно. На первое время хватит, пока не созреешь до принятия правильного решения. Завтра

с тобой свяжутся. А это – подъемные на первое время.

Рус снова сверкнул своей голливудской улыбкой, после чего на стол мягко, словно большая зеленая жаба, шлепнулась толстая пачка стодолларовых купюр.

– И даже не вздумай отнекиваться, – предвидя мои возражения, сказал Бельский. – Все равно ж ты рано или поздно надумаешь со мной работать, так что считай это первой недельной зарплатой.

– Ничего себе у вас недельные зарплаты, – произнес я, пряча деньги в карман камуфлированных штанов. – А если не надумаю?

– Надумаешь, – утвердительно сказал мой бывший подчиненный. – Надоест ногами махать – звони. Причем учти, эти подъемные только начало. Дальше будет все гораздо интереснее. А пока давай еще по одной...

Назавтра со мной действительно связались. Так я познакомился с Папой Джумбо. Тем самым чернокожим эксплуататором, что сейчас сидел напротив меня, пуская клубы ароматного, пахучего дыма, от которого у меня потихоньку начало звенеть в голове.

Я приподнялся на локте, собираясь что-то сказать... но неожиданно понял, что у меня во рту обнаружился инородный предмет. Я замер и катнул тот предмет языком. По спине поползли холодные мурашки. Это был мост аж на четыре зуба, поставленный мне совсем недавно в американском стоматологическом центре.

Рассудив, что здоровье – прежде всего, задаток Руса почти полностью я вложил в зубы, которые от нервов и консервов, сопутствующих солдатской жизни, были в довольно плачевном состоянии. Потому сейчас в душе моей рождался утробный стон при мысли, какую сумму в твердой американской валюте я шевелю сейчас языком.

Наконец, решившись, я плюнул в ладонь – и в полумраке комнаты принялся рассматривать неожиданный сюрприз.

Мудрые американцы, посмотрев на костяшки моих кулаков и шрамы на портрете, прежде чем начать формировать мне голливудскую улыбку, поинтересовались родом занятий потенциального клиента. И, узнав, сообщили, что в силу моей профессии гарантий на свою работу дать не могут. То же самое мне сказали до этого в двух стоматологиях, потому я и согласился. С моей разбойничьей рожей пытаться выдать себя за клерка, который «опасен, но зато свободен», можно даже и не пытаться. И вот он результат...

Внезапно вчерашний вечер в подробностях нарисовался в моей памяти. Утробный стон, до этого сдерживаемый, вырвался наружу в виде протяжного «Тввою мать!».

Латаный-перелатаный плед, прикрывавший мои ноги, полетел в сторону. Так и есть, нога забинтована до колена, только кончики пальцев виднеются.

– И на шее, – подсказали с кресла.

Точно. Мангуст же меня еще и по шее ногтями полоснул. Я рывком сел на кровати, больше напоминавшей фанер-

ный ящик для продавленного пружинного матраса. Кровать недовольно скрипнула и угрожающе качнулась на тонких ножках немодного квадратного сечения. Как и вся мебель в данной комнате, она была сильно пожилой и явно не рассчитанной на нервные телодвижения полновесных экс-бойцов русского спецназа.

Шея... Так и есть – в бинтах. А нос? Сейчас морда должна быть как у поросенка, которому двинули кувалдой в пятак. Ломали не единожды, знаю. Ох, твою мать! Сходил, называется, подраться, деньжат подзаработать... Да на фоне этих разрушений Папины девятьсот баксов это даже не прожиточный минимум, а слезы крокодилы. Даже если он расщедритя и призовую штуку набросит... Хотя вряд ли – если исходить из правил, то ничья получилась, я небось еще раньше Мангуста отрубился. В общем, не заработок вчера получился, а сплошные убытки. За одни антибиотики сколько отдать придется – если, конечно, не подделку покупать, а нормальные лекарства брать в хорошей аптеке. Ну, дырки в ноге сам зашью, не впервой. Еще надо бы глянуть, что там Грогги с Мангустом нажевали. Помнится, с виду оно выглядело не особо аппетитно.

Я попытался пошевелить пальцами на покусанной ноге. Получилось. И то хлеб, значит, сухожилия не задеты. Да и не болит вроде... Может, какое обезболивающее ввели?

Папа перехватил мой вопросительный взгляд и криво усмехнулся полными губами. При этом трубка в уголке его

рта качнулась, поставив в воздухе дымную галочку.

– А теперь снимай, – сказал Папа Джумбо.

– Что «снимай»? – не понял я. Из одежды на мне были только трусы-боксерки, в которых меня, наверно, и увезли с татами, не удосужившись одеть во что-нибудь более существенное.

– Бинты снимай, – уточнил Папа.

– перевязка, что ли, будет? – не понял я, ища взглядом если не сестру милосердия, то хотя бы необходимый минимум медицинских принадлежностей. Но, кроме деревянного божка, убогой мебели и моего работодателя, в комнате больше ничего не наблюдалось.

– Не будет, – сказал мой немногословный работодатель. – Просто она тебе на фиг не нужна.

Насчет этого у меня имелись сильные сомнения. Я ясно помнил, как выглядела моя нога, надкушенная Грогги и практически доеденная Мангустом. И некоторый опыт локальных боевых действий подсказывал мне, что когда у тебя из стопы выглядывает кость, то быть ей упакованной в бинты еще как минимум с неделю. Может, я больше чем одну ночь провалялся без сознания? Да нет, вон отрывной календарь на стене, судя по которому все произошло вчера.

Перехватив мой взгляд, Папа развеял мои сомнения уже несколько раздраженным голосом:

– Вчера все было, вчера. На мою голову. Короче, двигай в ванную, снимай там бинты, потом иди сюда, говорить будем.

– А в бинтах нельзя? – на всякий случай поинтересовался я.

– Бессмысленно, – ответил Папа. – Не поверишь. И снова вплотную занялся трубкой.

Курил он что-то такое, за что, наверно, простой укурыйш продал бы душу не задумываясь. Пробовал я как-то – Папа по доброте душевной после одного боя угостил. От его «табачка» в отличие от водочной альтернативы, распространившейся за последние лет пятнадцать по всему бывшему СССР, ты временно не превращался в дебила, а скорее ощущал прямо противоположный эффект – голова становилась легкой, и мысли плавали в ней свободно, словно золотые рыбки в аквариуме. Причем мысли полезные, нужные и важные. Которые в обычном состоянии не приходят как ни тужься, разве только «задним умом» по прошествии времени. Когда они в принципе уже и на дух не нужны.

Конечно, Папин «табачок» в определенной мере штука полезная, однако во второй раз я бы его пробовать не стал. Любая химия рано или поздно на мозгах скажется, за время службы насмотрелся на всяких-разных любителей отрешиться от мира сего. И даже если ты с той химии сегодняшибко умный, то рано или поздно настанет обратный эффект. Компенсаторный, так сказать. По мне, уж лучше сто граммов для настроения опрокинуть. Это по-нашему. Да и давно известно – что афророссиянину хорошо, то просто россиянину – лучше не надо.

В душевной комнате последствия Папиного очищения мозгов сказывались особенно сильно — в голове звенело уже не на шутку. Потому я поспешил последовать совету мудрого работодателя и направился в коридор.

В коридоре обнаружился висящий на вбитых в стену крюках ржавый велосипед, несколько тазов разных размеров, одетых друг на друга по принципу матрешки, гора сильно ношенной обуви, соседствующая с кучей неопределяемого хлама, идентифицировать отдельные элементы которого в полутьме было сложновато. Хозяева явно сэкономили на электричестве — света одинокой, засиженный мухами лампочки под потолком хватало лишь для того, чтобы не свернуть себе голову в поисках рекомендованной ванной комнаты.

Дверей в коридоре было три, все крашенные когда-то желтой, потемневшей от времени и местами облупившейся краской. На одной из них была приклеена доисторическая пластмассовая табличка, изображающая писающего мальчика, что определяло находящееся за дверью помещение как санузел. Из-за второй раздавался здоровый храп, исполняемый дуэтом. Рассудив, что вряд ли найдутся охотники спать вдвоем в ванной, я открыл третью дверь — и не ошибся.

Щелчок выключателя, расположенного рядом с косяком, оживил лампочку, аналогичную коридорной как по мощности, так и по следам мушиного внимания. Джакузи с гидромассажем в данном помещении, естественно, отсутствовало. А присутствовали в нем лишь старая чугунная ванна с чер-

ными пятнами на месте отбитой эмали, треснувшая раковина в буро-коричневых разводах и большое зеркало, на удивление целое, но с толстым налетом застарелой грязи по краям и тусклым пятном посередине, худо-бедно отражающим окружающую действительность.

Честно говоря, я ожидал увидеть в зеркале все что угодно, но только не своё абсолютно целое лицо без малейших признаков новой травмы. На всякий случай я протер зеркало чьей-то несвежей рубашкой, валявшейся в ванне, после чего тщательно вымыл руки. Это несложное действие немного вернуло меня в реальность, но к разгадке не приблизило. Потому как если вчера вечером ты явственно ощутил удар по фейсу и хруст ломающейся спинки носа, то на следующее утро ты ну никак не можешь выглядеть выпавшимся, отдохнувшим и, ну разве что, основательно небритым.

– Мистика какая-то, – пробормотал я, в который раз уже ощупывая лицо. – Привиделось вчера всё, что ли? Или сегодня мерещится?

Нет, шрамы от старых травм были на месте. Честно говоря, рожа еще та. Некоторым девчонкам нравится, но большинство пугаются. Бледно-розовая полоса на левой щеке протянулась от края рта до уха – памятка от одного трёхнутого любителя ножей, нанюхавшегося дури и захватившего в заложники семью соседа. Ну и чуть выше звездообразный шрам на той же щеке – принятая мордой пуля снайпера, которая выбила три зуба и вылетела через раззявленный в кри-

ке рот — это я на захват вражьей силы в атаку шел. Полезно, знаете ли, иногда ходить в атаку, пугая врага утробным рёвом. Была б пасть закрыта, думаю, с нижней челюстью пришлось бы расстаться. Так что фотографироваться я предпочитаю в профиль.

Вот такой колоритный тип смотрел на меня из зеркала, трогая себя за отнюдь не греческий нос, неоднократно ломанный спарринг-партнерами и оттого кривой как турецкий ятаган. Но на этот раз он был абсолютно цел, без малейших следов вчерашней попытки Большого Грогги окончательно превратить его спинку в подобие ленты Мёбиуса. А может, я просто сейчас валяюсь на том же самом ринге в полной отключке и мне все это мерещится?

Я обвел взглядом ванную. Да нет, такой срач вряд ли придумает даже самое больное воображение. Стены, выложенные дешевым кафелем, наверно, когда-то были белыми. Сейчас же они настолько основательно заросли грязью и водным камнем, что под налетом было затруднительно разглядеть швы между плитками. Смеситель с обломанным вентиляем, шланг душа без лейки, валяющийся прямо в ванне, чей-то рванный носок на полу, вонь как в бомжатнике, вьющаяся в стены... И здесь люди живут. Тьфу!

Вместе с плевком из моего рта вылетел белый твердый предмет.

Так-так, все-таки для моего здоровья вчерашнее мордобитие не прошло даром. Помимо моста еще и коронка сле-

тела.

Признаться, в глубине души я ощутил что-то похожее на радость – все-таки какое-никакое, но объяснение происходящих метаморфоз. Конечно, мало радости снова идти сдаваться стоматологам – жужжание бормашины с детства вызывает во мне желание куснуть врача за руку – но, согласись, жить намного легче, когда ты в состоянии объяснить происходящие с тобой чудеса. Это ж не «желтая пресса» про инопланетян пишет, это твое собственное тело вытворяет вещи странные, необъяснимые. А так все понятно – дали в зубы, посыпались коронки...

Я приподнял верхнюю губу, ожидая увидеть под ней пару дыр на месте утраченных зубных протезов... и застыл в недоумении.

Дыры были. Только из тех мест, где полагалось быть лишь голым деснам, торчали белые шпеньки, которым быть там вовсе не полагалось. А обточенные зубы, с которых те протезы благополучно слетели, стали заметно толще и уже мало отличались от здоровых. То есть получается что? Коронки слетели не от ударов, а от того, что их стряхнули с себя... растущие зубы?

«Зубы растут. У меня растут новые зубы. Зубы у меня...»

Набор абсолютно дебильных мыслей крутился в моей голове словно заезженная пластинка. А какие могут быть мысли у человека, увидевшего такое? Правильно, никаких. Или вот такие, как у меня.

«Зубы...»

Я поднял руку и, плохо соображая что делаю, взял двумя пальцами и потянул второй мост – давнюю память об ударе мордой о гимнастический брус на школьном уроке физкультуры. Мост снялся свободно, словно крышка с чайника. В зеркале краем глаза я увидел лицо полного идиота, и меня это несколько отрезвило.

– Всё в порядке, спецура, – сказал я отражению, усилив воли возвращая мышцы лица в приличествующее случаю выражение. Ага, вот так нормально – портрет человека, лицом к лицу встречающего неожиданные выкрутасы своего организма. Так же, как тяготы и лишения сначала службы, а теперь вот – окружающей действительности.

На всякий случай я открыл кран и тщательно прополоскал рот водой, после чего еще раз не менее тщательно вымыл руки. Всегда был – возможно излишне – брезглив и не понимал, как люди могут жить в такой грязище, что, дотрагиваясь до выключателя, мысленно подсчитываешь количество микробов, переехавших с кнопки к тебе на палец. А тут как-никак после выключателя в рот теми пальцами лазил...

Признаться, меня не столько заботил моральный облик аборигенов, сколько я серьезно опасался занести не только в рот, но и в рану какую-нибудь гадость. Тем более что перевязку ноги сделать было нечем, разве что трусы на полосы порвать.

Трусы было жалко – без них современному мужику жи-

вется как-то неуютно. К тому же появилась у меня безумная надежда, что если таким вот чудесным образом мой портрет остался неповрежденным, то, глядишь, и нога цела осталась?

Разматывал я бинт осторожно, поставив пятку на край ванны. Потому как знал по себе: при первой перевязке отдирать присохший бинт от раны – занятие не из приятных.

Рана всё-таки была – под первыми двумя слоями бинта обнаружили кровавые пятна. Так. Ладно. Прорвемся. Может, показалось вчера насчет кости? Может, вражьи дети только шкуру подпортили, а мышцы целы-невредимы?

Первый оборот. Второй. Третий... Третий пошел сложнее – спекшаяся кровь слепила бинт. Ага, а вот и салфетка марлевая на том месте, где мне Мангуст икру глодал... Судя по тому, что вся салфетка – один бурый спекшийся прямоугольник, все же придется орать дурниной, сдергивать с кресла кайфующего Папу и требовать свежий бинт.

Но прежде все-таки нужно посмотреть, что же под бинтом.

Если нет под рукой фурацилина или хотя бы кипяченой воды и присохший перевязочный материал нечем отмочить, то рвать надо сразу. Иначе, если рана серьезная, при медленном отдирании бинта можно и болевой шок схватить. Потому я взялся за край салфетки, выдохнул и, зажмурившись, дернул со всей силы.

Что за черт?

Ощущение было будто пластырь с ноги сорвал. Непри-

ятно, конечно, но, когда с раны кровавую заплатку рвешь, оно в разы неприятнее – если, конечно, этим словом можно обозначить раздирающую боль, сравнимую по впечатлениям с отрыванием по живому фрагмента собственной кожи. А тут...

Я открыл один глаз. Посмотрел на рану. Выдохнул. И за-был вдохнуть.

Раны не было.

На том месте, куда вчера впились зубы обезумевшего Мангуста, была тонкая сеточка розовых шрамов, обрамленных каймой запекшейся крови. Такие отметины могут появиться на теле через месяц после удачного заживления серьезной дыры в мясе. Но никак не на следующий день!

Я осторожно провел пальцем по бурой корке, ковырнул ее ногтем, лизнул палец. Свежая, максимум вчерашняя кровь без признаков разложения. И шрамы рядом с ней без признаков отметин от хирургических швов, хотя такие раны шить надо обязательно.

Невероятно!

Стопу я размотал гораздо быстрее, сорвал такую же пропитанную засохшей кровью марлю – и обалдел окончательно.

Здесь было почти то же самое. Почти – да не совсем.

Видать, мышцы челюстей Мангуста были немного послабее, чем у Грогги. Мангуст скорее жевал мою ногу, разрывая кожу и полосуюя мышцы. А Грогги, рефлекторно сомкнув

челюсти после моего удара, хватанул вглубь, на всю длину зубов – хорошо, что башкой не успел мотнуть, а то бы просто откусил полстопы. Потому рана еще не успела затянуться до конца, оставив на коже розовый след, в самой середине которого пока что имелся небольшой кровавый участок, напоминающий ножевую рану. Но и тот затягивался прямо на глазах, словно с двух его концов кто-то тянул за невидимые язычки двухсторонней молнии.

Я наклонился ниже, борясь с отвращением. Наверно, что-то похожее испытывала бы та кучерявая тётка из фильма «Чужие», когда в ней завелся космический ящер – если б, конечно, фильм не был фантастикой. А то, что происходило со мной, являлось объективной реальностью.

Не то чтобы я сильно переживал по поводу того, что моя нога не изжевана в двух местах, а находится в конечной стадии регенерации. Напрягал сам факт регенерации – с какой это радости у меня открылись такие кинематографические способности? С того памятного момента, когда я обнаружил, что Дед Мороз это Семен Игнатьевич с соседней квартиры, в чудеса я не верил. Потому оставалось принимать происходящее как данность. Либо пойти в соседнюю комнату и послушать, что скажет по этому поводу Папа Джумбо, который явно неслучайно отправил меня в ванную снимать бинты.

Бросив окровавленные тряпки в ванну, я еще раз посмотрел в зеркало. Так и есть – под впечатлением происшедшего я совсем забыл о царапине, нанесенной мне Мангустом.

Естественно, что на ее месте тоже был практически незаметный шрам.

– Н-да... – протянул я, после чего почесал тонкую розовую полоску под челюстью и вернулся в комнату, стараясь по пути наступать босыми ногами на свободные от хлама участки. Несмотря на вновь открывшиеся способности, лишний раз ловить пяткой плохо забитый гвоздь или осколок бутылки как-то не хотелось.

Папа Джумбо сидел в кресле в той же позе.

– Ну как? – невозмутимо спросил он.

– Впечатляет, – признал я, усаживаясь на кровать и демонстративно шевеля пальцами на ноге. – А как это?

– Это еще долго, – сказал Папа. – Был бы ты полноценным вампиром или оборотнем, такие царапины заросли бы без всякой дезинфекции и бинтов меньше чем за сутки. Это им в случае чего-то более серьезного приходится ждать полнолуния, чтобы полностью восстановиться.

– А серьезное для них – это что?

– Ну, рука там оторванная, глаз выбитый или кровопотеря при множественных ранениях, от которых человек бы сразу загнулся, – пояснил Папа Джумбо. – Мясо же при поверхностных ранах – тьфу, чуть не на глазах затягивается.

Сочтя сказанное шуткой, я хмыкнул и спросил:

– Что ж, сейчас я, получается, неполноценный?

– Сейчас ты кандидат на тот свет, – веско сказал Папа. – Жить которому осталось один день.

– И одну ночь? – уточнил я.

Этот разговор про книжно-киношную нечисть и невозмутимый вид явно прикалывающегося Папы меня позабавил. Никогда не думал, что мой работодатель может нести всякую чушь с таким невозмутимым видом. Хотя Папу, укуренного в хлам африканской травой, я раньше тоже не видел. Поэтому его дело, пусть развлекается.

– Ночи ты не переживешь, – сказал Папа. После чего выколотил прямо об подлокотник потухшую трубку, пожевал полными губами, видимо анализируя, чего ему еще не хватает для полного счастья, и заорал зычно:

– Нга!

Как уже упоминалось, голос у Папы был как у нашего зама по тылу – на другом конце полка слышать без мегафона.

Доносящийся из коридора храп прервался. После чего почти сразу скрипнула дверь, раздались шаркающие шаги, и в комнату вплыл худой чернокожий пацан в цветастой рубашке, широких штанах и перепутанных со сна дредах, отчего казалось, что на голове у него поселилась стая крупных пауков, передравшихся с осьминогами.

«Однако шустро пацан подорвался, – отметил я про себя. – Похоже, у них тут иерархия как в армии и Папа что-то вроде дембеля со стажем».

Окинув взглядом сонного юношу, Папа Джумбо коротко распорядился:

– Воды.

Юноша качнулся, устоял и отправился в коридор, достаточно ловко огибая встречающийся на пути хлам. Где-то – видимо, на кухне – хлопнула дверь холодильника, после чего юноша вплыл в комнату, досыпая прямо на ходу и при этом достаточно уверенно держа в руке пластиковую бутылку «Шишкиного леса».

Папа принял требуемое, высосал половину, дергая мощным кадыком, после чего причмокнул довольно и бросил:
– Свободен.

Не говоря ни слова, сомнамбула развернулся – и звуки повторились в обратном порядке. Шарканье, скрип двери и почти сразу храп, присоединившийся к соло, которое, кстати, все это время так и не прерывалось.

– Племянник мой, – пояснил Папа. – Здесь живет со своей бабой. Раздолбай редкостный, тупой, как полено до того, как из него сделали Буратину. Но исполнительный. Так что имей в виду, пока будешь здесь кантоваться, можешь этого антропоморфного дендромутанта засылать куда потребуются. Разрешаю.

Подивившись про себя способности Папы генерировать сложные определения, я еще раз окинул взглядом убогий интерьер комнаты и честно сказал:

– Неохота мне как-то племянника напрягать. Может, я домой?

– Дело твое, – пожал плечами Папа. – И то правда, чего целый день ждать, пока раны снова откроются и все мясо с

костями через них гноем истечет? Лучше уж сразу.

– За что мне такие ужасы? – удивился я.

– Закон природы, – веско ответил Папа. – Укушенному нелюдем жить до новолуния. А новолуние у нас через... – Папа глянул на календарь и прищурился, – через четырнадцать часов. И тогда либо перерождение, либо смерть. Хотя, если хочешь, расскажу подробнее.

Я кивнул. В вампиров, оборотней и другие сказки я не верил, зато верил в чудеса современной медицины. Как знать, может, Папа за время рассказа отойдет от своей этнической травы и все-таки расколется, что за секретный регенерирующий препарат он мне вколол.

Но оказалось, что от сказок мне не отвертеться.

– Тебя вчера укусили сначала вампир, а потом оборотень, – сообщил мне Папа, степенно набивая трубку по второму заходу. Я подумал, что ближе к третьей трубке меня, наверно, укусит самолично Кощей Бессмертный. Но предпочел помалкивать.

– Вообще-то вампиры и оборотни имеют общих предков с людьми, – продолжил Папа. – Но сами они считают по-другому. Кровососы ведут свою родословную от Каина, оборотни – от Вениамина, тоже библейского персонажа. Но от кого бы они их ни вели, на выходе мы имеем примерно равных по силе и интеллекту особей со схожим обменом веществ, но с несколько различным набором способностей. И те и другие похожи на людей тем, что любят деньги, власть, а также

хорошо пожрать, нормально выпить, красиво потрахаться – ну, список можно продолжить, здесь, думаю, ясно. Отличает их от нашего брата лишь любовь к свежей крови, предпочтительно человеческой. Ну, ликаны еще мясо любят. Некоторые даже больше, чем кровь.

– Ликаны – это...

– Оборотни так себя называют, – пояснил Папа Джумбо. – Про ликантропию слышал?

Я кивнул.

– Болезнь такая. Когда человек себя волком считать начинает.

– Вот-вот. От греческого «ликос» – волк. Только здесь все взаправду. По желанию человек превращается в волка, так же как вампир может стать тварью, сильно смахивающей на гигантскую летучую мышь. Кстати, людей они называют «хомо». Заметь, пропуская сапиенс, так как считают их чем-то средним между ходячими консервами и тупой рабочей силой.

– Ишь ты, – хмыкнул я. – А люди как их называют?

– Иногда люди называют их нечистой, но они этого очень не любят. А вообще-то с древних времен славяне называли их нежитью. Или нелюдьми, что на мой взгляд более верно. Не мертвые они, совсем не мертвые. Живут, причем на всю катушку. Так что любой хомо обзавидуется. А вот что нелюди они – это точно. Общие только предки да внешний вид. Остальное все разное, начиная от уровня жизни и заканчи-

вая обменом веществ.

– А если человек начнет пить кровь сородичей или жрать их вместо говядины, то он может стать нелюдем? – поинтересовался я. Не любопытства ради, а только чтоб Папу не обидеть и разговор поддержать.

– Не получится, – покачал головой Папа, с удовольствием затягиваясь вновь разожженной трубкой. – Обычному человеку пить кровь соплеменников и есть их мясо полезно лишь в тех случаях, когда он испытывает белковый дефицит. Например, раньше в Африке каннибализм был обусловлен именно отсутствием либо малочисленностью домашнего скота. А современные вампирские кланы есть следствие возникшей в Средние века во Франции массовой вспышки порфирии. Это болезнь такая, при которой организм не может произвести основной компонент крови – красные тельца, которые вампиры приспособились получать извне. Отсюда и другой обмен веществ, и некоторые весьма полезные способности. До этого болезнь встречалась достаточно редко и до кланов дело не доходило.

– А оборотни?

Я сам не заметил, как заинтересовался темой. Пока что все выглядело вполне логично и научно, прикопаться было не к чему.

– То же самое, только болезнь другая, – сказал Папа. – Так называемый синдром Пагета, при котором происходит неконтролируемый рост костей, вкупе с териантропией, поз-

воляющей этот рост контролировать и направлять.

– Это еще что за слово хитрое? – подивился я.

– То же, что ликантропия, – пояснил Папа. – Только не психическое заболевание, а реальная способность превращаться в животных полностью или частично, что тоже требует сумасшедшей скорости обмена веществ и большого количества эритроцитов.

– То есть в случае с вампирами и оборотнями эритроциты служат чем-то вроде питания для форсажа? – уточнил я.

– Не только, – покачал головой Папа Джумбо. – Это еще и зелье, позволяющее продлевать жизнь сколь угодно долго. И чем старше вампир или оборотень, тем он сильнее и тем большими способностями обладает. И если обычный человек еще может убить Младшего Брата, то с более старыми особями ему особо ловить нечего.

– Младшего Брата?

– Так они называют недавно инициированных, – пояснил Папа. – Процесс инициации довольно прост – вампир или оборотень кусает человека, слюна зверя попадает тому в кровь, после чего человек должен выпить крови укусившего. И в ближайшее полнолуние наступает Первое Перерождение, человек становится членом клана легендарных нелюдей.

Память услужливо преподнесла мне несколько картинок – Грогги, впившийся мне в стопу, Мангуст, грызущий мою икроножную, зубная коронка в руке, новые зубы, следы на

ноге от затянувшихся ран...

– А... если человек не выпьет крови того, кто его укусил? – с некоторым вполне объяснимым волнением спросил я.

– Тогда он умирает очень плохо и больно, – пожал плечами Папа Джумбо. – Либо становится кормовым скотом, если вампир или оборотень укусит его снова. Слюна любого из зверей в образе человеческом дает укушенному практически мгновенный прилив сил и способность к сумасшедшей для человека регенерации, причем ее действие продолжается несколько дней. После чего она становится смертельным ядом, который нейтрализует новая порция слюны нелюдя либо кровь укусившего. Такая вот хитрая физиология.

Папа ухмыльнулся.

– Но твой случай особый, – сообщил он. – Тебя цапнули практически одновременно и вампир, и оборотень. Что получается из человека в таком случае, я, честно говоря, не знаю. Но могу предположить, что если ты выпьешь кровь и того и другого, то у тебя появится шанс выжить. Хотя и не стопроцентный. Многие люди, укушенные нелюдем, умирают, когда пытаются пить кровь инициатора. Организм не принимает. У большого количества народа фатальная аллергия на кровь нелюдей. Помимо этого сердце некоторых уже инициированных не выдерживает Первого Перерождения в новолуние – их жизненную силу выпивают люди или нелюди в Хороводе Душ. Но могу тебя успокоить – уже через тринна-

дцать часов пятьдесят минут наступит это самое новолуние, и три раза подряд ты точно не умрешь.

– Спасибо на добром слове, – кивнул я, ни черта не поняв из последних речей Папы, кроме того, что шансы умереть в ближайшую половину суток у меня значительно подросли. – И за заботу тоже спасибо.

Я показал глазами на свою ногу, вчерашним вечером плотно забинтованную то ли Папой самолично, то ли его подручными, чтоб только мясо от костей не отваливалось, а уже сегодня покрытую лишь едва заметными шрамами.

– Угу, – промычал Папа, занятый трубкой.

– Стало быть, помру я сегодня так или иначе, – подытожил я. – И зачем тогда было меня спасать? Подозреваю, что Грогги с Мангустом тоже не знали что из меня получится, и, несмотря на травмы, с удовольствием подавили бы после боя настолько загадочное тело.

Папа кивнул с довольной улыбкой, так что лакированная мефистофелевская борода слегка хрустнула, преломившись о мощные грудные мышцы, развитые у моего работодателя не по возрасту. Не иначе наш афропапа до сих пор железки тягает. И стероиды колет в перерывах между стравливанием людей с нелюдями.

– Еще как подавили бы, но тебе просто крупно повезло. Ударом локтя ты сломал Грогги мечевидный отросток грудины, и отломок воткнулся ему в сердце. После чего кровососу серьезно поплохело. Убить его можно, только воткнув

в сердце или мозг деревяшку. Древесина очень плохо влияет на вампирский обмен веществ, мгновенно вызывая мутации, аналогичные онкологии у человека. В этом случае кровосос погибает меньше чем за минуту. Кстати, то же самое происходит с оборотнем, если в его сердце или мозг воткнется что-то серебряное.

– Так вот, – продолжил Папа Джумбо. – Повредив сердце Грогги, ты обеспечил ему хороший нокаут, который, если ты заметил, вампир ощутил не сразу. Когда же Мангуст увидел в твоей ноге зуб вампира, он очень расстроился – как же, кровососы наверняка не откажутся принять к себе такого бойца, инициировав его сразу после боя не отходя от кассы. Вот он и решил тебя убить пока не поздно. Но он не учел, что проникшая в твою кровь слюна Грогги придаст тебе сил и скорости, отчего и лишился глаз. Правда, ненадолго – до грядущего полнолуния. Как я уже говорил, у старших вампиров и оборотней регенерация утраченных органов происходит почти мгновенно, младшим же приходится ждать Перерождения.

– Занимательная история, – кивнул я. – И давно ты с ними дружбу водишь?

– Ну а это уже не твоего ума дело, – задумчиво ответил Папа Джумбо. – Как бы ни задирали нос нелюди, без людей им не обойтись. А без умных людей – тем более. В общем, нужны мы друг другу. Симбиоз, однако. На этом и закроем тему моих с ними взаимоотношений.

Я не стал нарываться на конфликт. В моем теперешнем положении это было как минимум неразумно. В подобных неясных случаях следует для начала получить как можно больше информации, а уж потом гонор показывать.

– С тобой и с ними понятно, – сказал я, хотя на деле понятного было мало. – Только ты так и не ответил, зачем я-то тебе нужен в моем теперешнем состоянии? Думаю, ты серьезно рискуешь, пряча меня на квартире племянника.

– Ничуть, – криво улыбнулся Папа Джумбо. – С татами тебя увезла машина «скорой помощи», которую через пару кварталов остановили несколько неизвестных в масках, перегородив дорогу самосвалом. Больного забрали, санитарам пожелали счастливого пути. Так что ты теперь здесь. Кстати, санитаров остановили еще через пару кварталов, перегородив дорогу внедорожником. Дилетанты, – хмыкнул Папа, с удовольствием затягиваясь. – Естественно, толку от их движений было немного. Санитаров, правда, жаль...

– Что с ними?

– Не знаю, – пожал плечами Папа. – Скорее всего, закопаны где-нибудь на старом кладбище, предварительно потеряв пять-шесть литров крови на брата. Хотя, если это были оборотни, вряд ли что-то пришлось закапывать – в отличие от вампиров, они никогда не прочь заесть благородный напиток свежатиной...

За время службы я насмотрелся всякого. Но когда гибнут люди, абсолютно непричастные к чьим-либо разборкам, мне

всегда становится не по себе. И очень хочется свернуть башку тому гаду, кто поднял руку на беззащитного. Хотя, если верить Папе, в моем случае это вряд ли поможет. Только если как в фильмах – деревяшкой или серебром. В башку или в сердце...

– И все же ты мне не ответил, – упрямо повторил я.

– Ты о том, какой мне интерес тебя спасти? – невозмутимо спросил Папа. – Настырный ты, как я погляжу. Но, пожалуй, это и хорошо. Поясняю. В последнее время и вампиры, и оборотни сильно меня напрягают, выставляя на ринг заведомо непобедимых бойцов. В профессиональном боксе это регулируется – думаю, ты как профессионал не раз недоумевал, как это звезды мирового ринга выдерживают удары, от которых любой здоровый мужик помер бы на месте. Нежить такие удары сносит не в пример легче, так что делай выводы...

Выводы я уже сделал. И поневоле начал проникаться бредом Папы Джумбо. Всё что угодно можно списать на бред, глюки или временное помутнение рассудка. Но когда твои годами отработанные удары перестают работать несмотря на то, что ты слышишь, как хрустят под ними сломанные вражьи кости, тут уж, извините, бред становится той самой хрестоматийной объективной реальностью, данной нам в ощущениях.

Между тем Папа Джумбо продолжал вещать, на глазах ломая мою устоявшуюся картину мира. Этакий чернокожий

Морфеус, развалившийся в кресле и просвещающий зеленого Нео по поводу матрицы. Но, похоже, в отличие от Киану Ривза, мне разноцветных колёс не предложат. И узнавать «насколько глубока кроличья нора» мне, подобно сказочной Алисе, придется по-любому. Причем как всегда на собственной, неоднократно продырявленной шкуре.

– Сам понимаешь, подпольные бои без правил это не профессиональный спорт, и тасовать бойцов здесь практически невозможно. А вампир против оборотня биться не может даже на таких боях. У них, видишь ли, Равновесие.

– Это еще что такое? – спросил я.

– Поясняю, – кивнул Папа. – У нелюдей на сегодняшний момент поделены сферы влияния, в связи с чем старшие следят, чтобы младшие ни под каким видом не конфликтовали. Новая война владыкам кланов не нужна. В истории таких войн было немало, и все они заканчивались одинаково – нежити становилось меньше и люди поднимали головы. Иной раз при этом снимая головы оставшимся кровососам и мясоедам. Так что сейчас они стараются исключить малейший повод для новой вражды. И поскольку за бой вампира против оборотня оба получают от старших звездюлей, они предпочитают бить людей. Кровь у воинов, понимаешь, играет. А мне откуда бойцов брать? И им отказать нельзя – у меня своей крови лишней нету. Но при этом как-то неохота стоять под старость с плакатом на груди: «Вот в этом солярии я так здорово загорел».

Я усмехнулся.

– А как насчет боев вампир против вампира или оборотень против оборотня?

– Никак, – сказал Папа Джумбо. – Стал бы ты на ринге месить в лохмотья собственного брата? Насчет этого у них еще строже, чем насчет вампирско-оборотнеческих поединков. Узы крови и все такое. Единый предок у вампиров, единый предок у оборотней... Плюс надо учитывать, что каждый вид частенько оказывался на грани вымирания, особенно в древности. Так что друг дружку мочить им никак нельзя. Закон.

– В общем-то, по закону и у нас нельзя, – вставил я. – Однако мочим.

– Угу, – кивнул Папа Джумбо. – У них все то же самое, только формальностей побольше. И меры пресечения пострашнее, чем отсидка в камере с казенной баландой. Потому нежить одного и того же вида открыто друг с дружкой старается не конфликтовать. По крайней мере на виду у сородичей.

– Понятно, – сказал я. – Значит, тебе понадобился человек со стороны, который заставит зверюшек призадуматься, стоит ли им соваться на твои подпольные бои людей с людьми, у которых, между прочим, Адам тоже общий предок согласно Писанию?

Папа неопределенно пожал плечами.

– Если ты думаешь, что я тебя специально подставил, то

это не так, поверь. Но коль уж возникла такая ситуация, грех не помочь человеку, интересы которого неожиданно совпали с моими.

Папа снова не спеша выколотил потухшую трубку о подлокотник, после чего наклонился, выдвинул один из ящиков тумбочки, достал оттуда фанерную коробку и протянул мне.

– Думаю, пригодится, – сказал он. – Один из зидероксилона, африканского железного дерева, второй – серебряный. Смотри не перепутай.

Я взял протянутую коробку и снял крышку, уже догадываясь о том, что найду в ней.

Как я и предполагал, внутри на какой-то цветастой тряпке, мало напоминающей подложку для магических предметов, лежали два кинжала – деревянный и серебряный.

– Кстати, напоминаю – соваться к себе домой я тебе настоятельно не рекомендую, – сказал Папа Джумбо. – Одежда твоя, документы, мобильник и гонорар за бои здесь, в сумке под кроватью. Домашние адреса своих новых клыкастых друзей запишешь или так запомнишь?

***

Несмотря на рекомендации Папы, меня все-таки терзали смутные сомнения по поводу необходимости питья крови моих недавних оппонентов. Морду набить без свидетелей за поведение на татами – это можно, а кровь пить – как-то че-

ресчур. Анекдот напоминает:

«— Сосед, меня твоя собака укусила.

— Ну пойд и укуси её».

Несколько лет назад чернокожий мафиози был достаточно известным рукопашником, уважаемым как за мастерство, так и за деловую хватку. Однако в настоящее время он, по моему мнению, слишком сильно увлекся курением подозрительных снадобий, что вызывало сомнения в неопровержимости его логических выкладок... которые казались весьма убедительными в свете изменений, произошедших со мной меньше чем за сутки.

Тем не менее, для того чтобы пойти резать кого-то кинжалами, выполненными в виде зубов какого-то мифического существа, мне требовались более убедительные доказательства.

И не только они.

Дело в том, что любой спецназовец осознает неизбежность дембеля. Контракт рано или поздно кончается, и, даже если продлевать его постоянно, однажды тебе его банально не продлят по возрасту. Потому уходить на дембель все-таки лучше относительно молодым и здоровым. И при этом осознавая, что этот самый дембель раз и навсегда вырвет тебя из привычных армейских будней и бросит в неизвестность. Окружающая действительность имеет свойство меняться, и письма сослуживцев, уволившихся ранее, свидетельствуют о том, что возвращаемся мы совсем не в тот мир, который по-

кинули, уходя на службу.

Потому практически каждый спецназовец заранее заготавливает себе «дембельский чемоданчик», который, по его мнению, поможет ему выжить в суровых условиях гражданской жизни хотя бы первое время.

При этом нет какого-то общего алгоритма, по которому комплектуется данный культовый предмет. Для кого-то это скопленные деньги или ценные вещи на продажу, для кого-то дембельский альбом и сувениры на память о службе. А для некоторых особо отмороженных это вещи, при нахождении которых отцами-командирами на службе или правоохранительными органами на гражданке их владелец будет иметь очень крупные неприятности.

В случае нахождения моего чемоданчика вышеназванными лицами неприятности мне были бы обеспечены на много лет вперед. Потому хранил я его в таком месте, в которое нормальный мент или военный не полезет ни под каким видом. И юный Нга тоже не полезет, разве что за кило травы.

Столько травы у меня не было, да и подставлять под монастырь молодого афророссиянина было ни к чему – глядишь, еще пригодится. Исходя из чего, после ухода Папы Джумбо я нацарапал огрызком карандаша на куске туалетной бумаги необходимый текст, без стука вошел в «комнату храпа», растолкал афророссиянина и, всучив ему список вместе с зеленой купюрой, отправил за жратвой в ближайший супермаркет со строгим наказом перво-наперво зайти в обменник, по-

менять валюту на деревянные, закупить продукты строго по списку, а сдачу вернуть.

Юная темнокожая леди, храпевшая рядом с Нга на огромном матрасе, лежавшем прямо на полу, так и не проснулась, продолжая выводить носоглоткой мощное соло. Позавидовав столь крепкой нервной системе, я вернулся в комнату, сел на кровать и задумался.

Так, разложим ситуацию по полочкам. По словам Папы, жить мне осталось менее суток, ежели не хлебну кровушки двух бойцов, кусивших меня за конечность аки гадюки, одна за другой выползшие из черепа лошади, воспетой Пушкиным и Высоцким. Кровушку бойцы по доброй воле мне, понятно, не отдадут, так что придется их вырубать. А поскольку сопротивляться они будут серьезно, то, возможно, и мочить.

Я скопил глаза на клочок бумаги с записанными мной от руки адресами и схемой «как проехать». Есть у меня такой недостаток, для спецназовца недопустимый, – топографический кретинизм. Бороться с ним бесполезно, отцы-командиры в свое время помучились-помучились, да и бросили, постановив, что идеальных бойцов в природе не бывает, хрен с ним, пусть записывает, только потом не забывает уничтожать те конспекты. Так что лежала поверх заработанной пачки баксов схемка, повергавшая меня в определенное уныние.

Предполагаемые сказочные чудища жили в местах весьма прозаических – один в коттеджном городке, по рассказу

Папы напоминающем обнесенную стеной крепость, а второй – в натуральном замке, отстроенном на холме рядом с убогой подмосковной деревенькой. Вот уж не думал, что эдакие олигархи развлекаются мордобитием и питьем крови честного народа. Хотя кто знает, случайно ли в русском языке богатеев-эксплуататоров частенько называли «кровопийцами»? Может, вот она связь – пока не начнешь хлебать литрами кровь рабочих и крестьян и в прямом, и в переносном смысле, не быть тебе владельцем заводов, газет, пароходов и не жевать ананасы и рябчиков в последний день Помпеи...

Так, не отвлекаемся, думаем дальше.

Верить людям на слово в наше время дело чреватое последствиями для верующего, особенно если тебе предлагают порезать либо замочить пару олигархов. Не исключено, что, пока я валялся в отключке, Папа вкачал в меня какое-нибудь неизвестное науке африканское снадобье, вызывающее буйную регенерацию, и теперь пытается использовать меня втёмную, грозя смертью скорой и неминуемой.

В пользу этого предположения свидетельствуют также его настоятельные рекомендации не ездить к себе домой. А ну как приеду я в Химки, город моего детства и юности, несправедливо обсмеянный «Камеди-клубом», поднимусь на последний этаж родного дома без лифта и обнаружу, что не ждет меня там лихая засада сказочных зверюшек, а по-прежнему не нужен я на фиг никому в этом мире? Возможен такой вариант? Весьма и весьма.

Исходя из чего сей факт требует проверки обстоятельной. Так как сильно я подозреваю, что если всё сказанное Папой Джумбо чистая правда и мне действительно придется пускать в ход дарёные кинжалы, то после принудительной сдачи крови Грогги с Мангустом, а также их друзья-товарищи-родственники будут на сто процентов гореть страстным желанием как минимум кусить меня еще разок. И на этот раз желательно за горло. Так что, прежде чем наживать себе врагов, надо убедиться, что они действительно враги, а не спарринг-партнеры, с которыми на ринге порой мутузишь друг друга больно и яростно, а после вместе пьешь горькую в кабаке, хлопая друг друга по плечам и вспоминая «а как я тебе с ноги в ребра!», «а ты мне как локтем по морде!» и далее в том же духе.

Плюс – вышеупомянутый чемоданчик, собранный отмороженным старшим лейтенантом Краевым именно на такой вот случай. Потому как идти на такое дело без некоторых предметов из того чемоданчика есть предприятие абсолютно бесперспективное. А значит, по-любому придется выдвигаться в район родных пенат, где тот чемоданчик, собственно, и заныкан.

Как раз к окончанию моего совещания с самим собой (чего лишний раз с умным человеком не посоветоваться?) вернулся Нга с тремя пакетами и довольным лицом буддиста, достигшего просветления. Сдачи он, естественно, не принес (на что я, впрочем, и не особо рассчитывал), зато в пакетах

было все заказанное плюс пол-литра водки, приобретенной по собственной инициативе.

– Надо ж за знакомство, – пояснил Нга, перехватив мой строгий взгляд.

Н-да, не поспоришь. Темнокожий юноша был явно в курсе традиций аборигенов. Мы быстро соорудили нехитрый обед – покупная кура-гриль, разогретая в духовке, колбаса, пара консервов, хлеб, лук, чеснок. Что еще надо россиянам для счастья? На запах разогреваемой куры пробудилась и подтянулась вторая половина Нга, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся довольно симпатичной мулаткой лет шестнадцати от силы.

– Аня, – представилась половина Нга.

– Очень приятно, Андрей, – галантно назвал я одно из своих имен, которых у спецназовца обычно больше, чем положено простому смертному. – Ну что, за знакомство?

Второй тост, провозглашенный Нга за воссоединение пролетариев всех стран, я не поддержал – ехать поддатым домой не хотелось, мало ли, вдруг Папа Джумбо не обманул? И хотя верилось в это с трудом, но расслабляться все же не стоило. Поэтому, покончив с обедом, я откланялся, сославшись на неотложные дела, и выпросил у юной пары две старых поясных сумочки для мобильных телефонов, а также иголку с ниткой и ножницы. После чего удалился в свою комнату, при помощи портняжных принадлежностей слегка видоизменил дарёные сумки. Покончив с кройкой и шитьем, я оделся в

свои мятые шмотки, которые кто-то запихал в мою спортивную сумку весьма небрежно, и покинул юную пару, настоятельно порекомендовав тинейджерам прибратся в квартире.

Выйдя из дома и обозрев окрестности, я понял, что судьба занесла меня в места далекие и непознанные. Мягкий ноябрьский снежок сыпался сверху на унылые коробки хрущёвок, деревья, кусты, скамейки, расставленные вокруг детской площадки, а также на большей частью непокрытые головы редких прохожих, суля последним очередную сезонную эпидемию гриппа и ОРЗ.

У прогуливающегося во дворе дедка я осведомился, куда это занесла меня нелегкая.

Дедок понюхал воздух и, вздохнув, ответил с плохо скрываемой завистью:

– Люберцы это, парень. Эх, я в молодости тоже так пил, что на следующий день не помнил, как и куда меня занесло. А сейчас уже здоровье не то.

И, предвосхищая мой следующий вопрос, ткнул пальцем в переулок:

– Там за углом маршрутка останавливается, до метро довезет. Деньги-то остались, чтоб до дома доехать?

– Остались, спасибо, отец, – сказал я и отправился в указанном направлении. Душевный у нас все-таки народ, понимающий и сочувствующий – если, конечно, ты не террорист и не сторонник сухого закона.

Путь на перекладных маршрутка от Люберец – метро – маршрутка до Химок занял около двух часов, так что в своем районе я оказался, когда уже начало смеркаться.

Завидев вдали очертания знакомых пятиэтажек, я усмехнулся про себя, вспомнив крылатое: «Таксист ошибся, заведя клиента вместо Марьино в Южное Бутово. Клиент разницы не заметил».

Правда, в моем случае химкинские безлифтовые пятиэтажки были сложены не из хрущевского кирпича, как в Люберецах, а из блоков, облепленных черно-белой мозаикой, местами осыпавшейся от времени. Ну и современные круглые башни точечной застройки в нашем районе местами были понатыканы – на зависть коренным жителям, ютящимся в малогабаритках.

Сразу за одной из таких башен, расположенные параллельно друг другу, стояли три пятиэтажки. Я жил в той, что ближе, – от родителей осталась «однушка» на последнем этаже, выходящая окнами на соседнюю панельную девятиэтажку. В той девятиэтажке жил мой давний знакомец еще со школы Васька Шнырев с очевидным прозвищем Шнырь, обслуживающий прилегающую местность в качестве дворника и разносчика свежих сплетен по совместительству.

Васька был беззлобным, компанейским малым, тихим алкоголиком, вечно теребимым женой по поводу отсутствия денег и перспектив на будущее. Ко мне он относился с безграничным уважением за моё прошлое, чем я порой без-

застенчиво пользовался, по-возможности компенсируя доброту дворника бутылкой-другой. Васька всегда беспрепятственно давал мне ключи от своей полумёртвой «шестерки», на которую написал доверенность от руки на моё имя, а также иногда помогал мне решать проблемы с местным ДЭ-Зом.

Как-то, пользуясь его беспечностью и доверием, я наглым образом спёр у него связку ключей от служебных помещений и в мусоросборной камере его подъезда оборудовал тайник для своего чемоданчика, после чего аккуратно вернул ключи на место. Исходил я при этом из того, что у меня в подъезде мусоропровода нет и что вряд ли кто-то когда-то будет искать что-то ценное, роясь в отходах и рискуя быть приложенным по макушке сброшенной сверху бутылкой. Также я учел, что даже если Васька чемоданчик найдет, то первым делом прибежит не в милицию, а ко мне за советом — мою компетентность в таких вопросах он всегда ставил выше милицейской.

Поступок с моей стороны был, конечно, не очень красивый, но в данном случае я, как учили отцы-командиры, исходил из принципа максимальной рациональности. Да и потом, даже если бы случилось чудо и чемоданчик нашли, предъявить такому существу, как Васька, владение содержимым чемоданчика было равносильно обвинению монашки в хранении ядерной боеголовки.

Вот и сейчас я решил для начала выяснить обстановку и

из окон Васькиной квартиры по возможности выяснить, что делается в моей. После чего уже принимать решение исходя из того, наврал мне Папа Джумбо или все-таки сказал правду.

Прогулочным шагом человека, не отягченного мирскими заботами, я дошел до Васькиного двора, делая вид, что увлеченно разговариваю по мобильному, и при этом прикрывая лицо рукой от лишних взглядов. Во дворе было не особеннолюдно, разве что у соседнего с Васькиным подъезда на лавочках расположилась стайка молодых людей призывного возраста – человек пять-шесть. Они глушили «Очаковское» из двухлитровых пластиковых пузырей, курили и лениво общались сквозь зубы под однообразный «тынц-тынц», несущийся из чьего-то плеера или сотового. Картина, в общем, обычная для наших дворов, когда молодежи податься некуда из-за отсутствия работы, денег и других интересов, кроме пива, курева, ширева и «тынц-тынц».

Проведя беглый осмотр территории и не найдя более ничего подозрительного, я проскользнул в Васькин подъезд и, игнорируя лифт, по лестнице взбежал на пятый этаж. Еще один плюс – Васькины окна были расположены практически вровень с окнами моей квартиры, так что позиция для наблюдения идеальная.

Я уже поднял руку для того, чтобы постучать в знакомую дверь, памятуя, что звонок у Васьки хронически не работает... и замер, осознавая, что между дверью и косяком имеет-

ся щель. Обитая дешевым дерматином дверь была не заперта и слегка поскрипывала на несмазанных петлях, тревожимая слабым потоком теплого воздуха, идущего из квартиры...

Бывают в жизни моменты, порой незначительные совершенно, когда вдруг осознаешь – вот она, черта, отделяющая твоё уютное, объяснимое «прошлое» от неведомого «будущего», которое вот-вот нахлынет, поглотит и перевернет с ног на голову твой уютный, понятный, привычный, вполне объяснимый мир. Тот, в котором ты жил с момента рождения, тот, о котором тебе постоянно рассказывали родственники, друзья, знакомые, учителя, прохожие и просто случайные люди в метро, автобусах, магазинах, на улицах... Все те, кто до сего момента формировал устойчивую картину мира, в котором ты живешь, рассказывая тебе, что солнце – яркое и теплое, что луна – спутник твоей планеты, отражающий по ночам солнечный свет, и что твой дом на этой планете – это твоя личная незыблемая и неприступная крепость...

И ты точно знал, что в этом мире где-то далеко могут извергаться вулканы, обрушиваться на берег цунами и бушевать войны, сметающие с лица земли целые народы. Но неизменными останутся солнце, земля, твой дом и подъезд, в котором живет знакомый с детства дворник, – грязноватый и полутемный, с написанными краской из баллончиков похабными надписями на стенах, как и все похожие подъезды в твоём районе. И такая знакомая Васькина дверь, обитая потертым возле ручки дерматином, не должна быть открытой

в вечернее время. И что даже если раздолбай Васька спяну забыл ее запереть, то я, Андрей Краев, глядя на щель между косяком и этой незапертой дверью, просто физически не могу ощущать лицом слабый поток теплого воздуха, идущий из квартиры, и запах, который несет с собой этот поток...

Потому что ощущать столь слабые ноты – это феномен из той же серии, что и новые зубы, растущие у тебя во рту, раны, затягивающиеся на следующий день, и лицо Мангуста, вытягивающееся вперед наподобие волчьей морды. Потому что все это не сон, не бред и не галлюцинации. Потому что, если сейчас ты повернешься и уйдешь, не войдя внутрь Васькиной квартиры, твой привычный мир все равно не вернется в накатанное русло. И тебе уже никогда не стать тем Андреем Краевым, который сутки назад, насвистывая, собирал у себя дома спортивную сумку, готовясь к вечернему бою и прикидывая, куда потратить выигранные деньги...

Я толкнул дверь и сделал шаг вперед.

Потом еще один.

И еще...

Я шел по полутемному коридору Васькиной «однушки», освещенному тусклым светом ночника, к проему его единственной комнаты, откуда лился тусклый серый свет, просеянный сквозь стекло широкого, давно не мытого окна, наполовину забранного не снятой с лета зеленой сеткой от комаров. Эту сетку я видел каждый день, подходя к окну своей комнаты, и постоянно удивлялся – что, Ваське сложно

несколько кнопок от деревянной рамы отколупнуть? Прогладно ведь уже, зима на носу, какие комары в ноябре?

Я шел по коридору. И сейчас этот короткий сегмент малогабаритной квартиры с покосившейся вешалкой справа и дверями санузла слева казался мне слишком длинным, самым длинным коридором в моей жизни, по которому мне доводилось идти.

Потому что я уже знал, что увижу по другую сторону зеленой Васькиной сетки от комаров.

Потому что запах становился с каждым шагом сильнее.

Слишком знакомый запах...

Я вошел в комнату и невольно прикрыл нос и рот рукавом своей армейской камуфлированной куртки. Потому что знакомый запах будил незнакомые чувства, от которых кружилась голова и сводило спазмами желудок. Уж лучше нюхать рукав, успевший пропахнуть московскими улицами, метрополитеном и наземным общественным транспортом. А еще лучше закрыть глаза, чтобы не видеть то, на что не стоит смотреть никому – если, конечно, не желаешь до конца жизни просыпаться в поту от ночных кошмаров...

В паре метров от меня лежала на спине Васькина жена в распахнутом на груди когда-то зеленом махровом халатике. Сейчас зеленым был лишь один рукав халата, и то наполовину. В остальном домашняя одёжка превратилась в рваную бурую тряпку, облепляющую дородное тело ее хозяйки.

Вернее, то, что от него осталось.

Я видел пару раз как выглядит свиная туша, которую неслабо погрызли волки, но не успели доестъ. Разорванное горло, распоротое брюхо, выеденная требуха... Хотя и нехорошо говорить такое о человеке, но Васькина жена сейчас напоминала такую тушу. На месте ее когда-то объемистого живота зияла страшная рана, а ошметки внутренностей, разбросанных вокруг трупa, лишь усиливали впечатление.

Но это были не волки – откуда им взяться в километре от Москвы? И потом звери не умеют отрезать головы жертв и водружать их на столах, засунув им при этом в рот кусок окровавленного мяса.

Голова Васькиной жены лежала на залитой кровью ска-терти, а полный ужаса взгляд мертвых глаз был направлен на кресло, в котором сидел хозяин квартиры.

Васькин пах был страшно разодран, и я сразу понял, что за ошметок зажат во рту его жены. Не-волки обладали жестоким чувством юмора, пытая Ваську. Картина произошедшего здесь встала перед моими глазами, словно я сам был свидетелем двойного убийства.

Сначала кисти рук дворника приколотили к подлоконникам кресла гвоздями-«сотками», а стопы – к полу. Потом, поизмывавшись над его женой, убили ее на глазах мужа. Потом какие-то твари, приведенные убийцами, сожрали ее внутренности...

Что же такое скрывал Васька, почему молчал, видя все это? А может, и не скрывал он ничего. И рад был бы сказать,

да не знал. Потому и вырвали ему хозяйство под финиш, засунув его в рот отрезанной головы бедной бабы. А потом несколькими точными ударами ножа вскрыли грудную клетку и, вырвав сердце, скормили тем приведенным тварям...

Преодолевая странные желудочные позывы, я приблизился к труп и присмотрелся.

Нет, грудь вскрывали не ножом, а несколькими ножами, расположенными параллельно друг другу. Или не ножами...

Мозг, отказывающийся верить в новую картину мира, наконец сдался. Мне ли не знать, как выглядит ножевое ранение? Нет, не сталью совершено жуткое преступление. И никаких зверей не приводили с собой убийцы. И не тошнота, и не рвотные позывы крутят сейчас мой желудок от запаха крови, пролитой от силы полчаса назад...

Восемь рваных ран, крест-накрест разворотивших Васькину грудь, были следами от гигантских когтей невиданной твари с человеческими мозгами, свернутыми набекрень. Это она убила моего приятеля с женой и сожрала их внутренности. И я – такая же тварь, потому что мне до одури, до трясучки хочется рвануть зубами Васькину шею и хлебнуть остывающую кровь, которой – я точно знаю – осталось в трупе еще несколько хороших глотков.

В мой язык уперлось что-то твердое и острое. Я отнял рукав от лица и осторожно провел пальцем по верхним зубам, которые стоматологи называют «третьими». Просто чтобы удостовериться.

Что ж, я удостоверился. Моим зубам действительно больше не нужны стоматологи. Они стали полностью здоровыми. Настолько здоровыми, что теперь обладали способностью удлиняться на несколько сантиметров при виде человеческой крови.

– Стоять, старлей, – сказал я вслух сам себе. – Стоять! Они спецом не тронули его шею, прикнутили к креслу и откинули назад голову. Не пытали они Ваську. Они в тебе зверя будили. Так что стой, Андрей Краев. Стой, смотри и запоминай. Теперь это твоя война, и ты от нее не отвертишься. Стой, смотри и запоминай. Чтоб, когда ты их найдешь, ты знал, что рвешь их глотки не только за то, что они с тобой сделали. А еще и за Ваську с его бабой. И за тех, кого они сожрали до этого...

Я проговаривал это все вслух, программируя сознание, как делал всегда, получив сложное боевое задание на службе. А в подсознании уже формировались мыслеобразы...

«Стая гопоты у соседнего подъезда... Случайно? Вряд ли... Если не случайно, то их дальнейшие действия? Заблокировать меня в квартире? Возможно...»

Мой взгляд скользнул по комнате.

С оружием у Васьки было неважно. Твари прихватили его с женой во время обеда, вон на столе тарелка, вторая разбитая в углу валяется, на столе тупой кухонный нож с закругленным концом, вилки, голова... Так, о голове не думать. Полупустая бутылка водки на столе? Может быть...

Теперь – моя квартира.

Я подошел к окну, хоронясь вдоль стены, и осторожно выглянул из-за шторы.

Увы, Папа Джумбо был прав – дома меня ждали...

Каждое утро пожилая соседка тетя Валя приходила ко мне убратся, постирать, еды приготовить. За что я платил ей двести долларов в месяц – и бабушке к пенсии прибавка, и мне, холостяку, жить в разы проще. И каждый раз тетя Валя перед тем, как начать протирать пыль, раздвигала шторы по максимуму – мол, видит плохо, света ей мало. Сейчас же шторы оставались на своем месте...

Значит, еще и соседка... Я скрипнул зубами, чуть не вывернув себе новыми клыками нижнюю челюсть. Жила бабушка одна, ее не скоро хватятся. Эх, думал ли я, делая для нее дубликат ключей от своей квартиры, что подписываю тебе Вале приговор на смерть жуткую, нереальную? И сейчас он или они в моей квартире...

Ладно.

Усилием воли подавив в желудке очередной голодный спазм, я шагнул к заставленной дешевыми фигурками стенке, стараясь не наступить в кровавые лужи, растекшиеся по полу. Здесь, во втором ящике слева, Васька хранил все ключи, в том числе от квартиры, от машины и от своей мусорной камеры.

Я выдвинул ящик. Так, ключи на месте.

Сунув их в карман, я задвинул ящик обратно, подошел

к столу, схватил недопитую бутылку и в несколько глотков опрокинул в себя ее содержимое. Желудок протестующе взбрыкнул, но, видать, я еще не до конца превратился черт-те знает в кого, и ничто человеческое было пока мне не чуждо. Я постоял несколько секунд на месте, анализируя ощущения. Ага, сработало! Противоестественный голод понемногу отпустил мое нутро, вроде как и клыки уменьшились до почти привычных размеров. Пора действовать!

Я сделал шаг по направлению к выходу из квартиры – и замер, сжимая в руке пустую бутылку.

В темноте коридора, слабо освещенный светом, льющим-ся из окна кухни, стоял один из недорослей, тех, что тусовались у соседнего подъезда, когда я шел сюда. Любитель «Очаковского» смотрел на меня и улыбался слегка вытянутой вперед, но пока еще человеческой мордой, демонстрируя клыки, аналогичные моим. Разве что чуть подлиннее.

– Хорошо пошла? – осведомился недоросль. – Только зря ты это. Я бы на твоём месте лучше мужика куснул. Он кивнул на труп. – Зря мы, что ли, старались. Кровь – оно и вкуснее, и для печени полезнее.

– Может быть, – сказал я, улыбаясь и делая шаг к нему. – Я ж чувствовал, что что-то со мной не так. Но знаешь, оно с непривычки да в первый раз как-то сложно поверить...

– Понимаю, – кивнул парень. – Я тоже...

Что он «тоже», я так и не узнал – да и неинтересно мне это было. Горлышко бутылки упиралось мне в ладонь, словно

рукоять ножа, взятого «финским хватом». Я ударил снизу, метя донышком в подбородок, – и не промахнулся.

Подбородок твари был острым и твердым, словно камень. Не бывает таких подбородков у людей. Но я уже знал, что бью не человека, потому и ударил со всей силы, рискуя раскроить ладонь осколками бутылки в случае, если челюсть кровопийцы окажется слишком твердой.

Не оказалась. Крепче, конечно, чем человеческая, но, видимо, я вложил в удар слишком много личного. Голова парня резко запрокинулась назад с характерным хрустом. Был бы человек, было б одним гадом меньше. Сейчас же я на всякий случай размашисто добавил по открывшейся челюсти нижней третью бутылки.

Его башка мотнулась влево, и он рухнул на пол, путаясь в полах своего длинного черного пальто. А в моей руке осталась «розочка» с острым краем, выступающим вперед наподобие кинжала с широким обоюдоострым клинком.

Человеку его комплекции вполне бы хватило двух таких ударов, чтобы навеки остаться на полу коридора. Парень не отличался богатырским телосложением, и я явственно слышал, как хрустнули его шейные позвонки. Однако, вопреки логике, сейчас он пытался встать с пола, скребя крашеные доски неестественно длинными ногтями и щерясь окровавленным ртом, из которого торчали два заметно удлинившихся клыка.

Вскочить мгновенно ему помешало слишком длинное

пальто, и, пока он путался в его полах, я подскочил и всадил длинный стеклянный клинок ему под подбородок.

Зубастая тварь хрюкнула, всхлипнула и посмотрела на меня. В ее глазах с черными пятнами неестественно расширившихся зрачков явственно читалось недоумение. А потом голова монстра завалилась набок, открывая глубокую рваную рану на шее, из которой толчками забила черная кровь.

За дверью послышались приглушенные голоса. Я успел подхватить падающее тело и осторожно опустить его на пол, стараясь не измазаться в кровавой струе, хлещущей из горла твари. Моя атака заняла не больше пары секунд, и я очень надеялся что те, кто остался за дверью, ничего не услышали.

Однако надеялся я напрасно.

– Да не, я тебе говорю – секс с гандоном это все равно что реально секс с гандоном. То есть с резиновым чехлом для хрена, а не с бабой, – явственно послышался гнусавый голос.

– погоди ты со своим хреном, – прервал его второй. – Кажись, я что-то слышал.

– Брат не велел входить, пока он не поговорит с мясом, – возразил гнусавый. – Если что, он и один справится.

– Конечно, справится. И выпьет всю кровь в одну харю, а нам как всегда требуха останется. Потому он один и пошел...

Я не стал ждать, чем закончится диалог за дверью. Подтверждений теории Папы Джумбо мне больше не требовалось. Мир оказался не совсем таким, как я его представлял раньше. В этом мире я, мой мертвый приятель и его жена, у

которой стоящие за дверью сожрали «требуху», были мясом. Что ж, посмотрим, кто из нас «мясо». На любой охоте порой случается, что пока еще живое кормовое мясо превращается в охотника. Если, конечно, это мясо не согласно покорно идти на убой.

Я был категорически не согласен.

– Ну, идите сюда, волки позорные, – прошептал я, заводя за спину обе руки.

Серебряный и деревянный кинжалы, выданные мне Папой Джумбо, были вложены клинками в две поясные сумки для мобильных, грубо и наскоро переделанные под горизонтальные поясные ножны и размещенные сзади под курткой. Вынув оба кинжала, я с сомнением глянул на все еще дергающееся тело на полу. Вампир или оборотень? Судя по клыкам, похоже, что вампир. Но когти и выгрызенные части тел... Папа вроде говорил, что это прерогатива оборотней. Плюс предметный разговор о мясе за дверью, которая уже медленно так открывается под нерешительным давлением с той стороны любителя человеческой крови, вынужденного подьедать требуху за тварью в черном пальто.

Так и не решив какой из кинжалов больше подходит для моей миссии, я на выдохе всадил оба в область сердца прибитого бутылкой нелюдя. Да, не романтик я, и кино обо мне не снимут. И роман не напишут, если, конечно, я сам когда-нибудь не засяду за его создание. В общем, не положительный я герой, а простой солдат, которого отцы-командиры однажды

научили никогда не оставлять в тылу у себя врага, способного ударить в спину. Вот такая она, правда жизни, далекая от кинематографии и литературы.

Отметив, как подернулись знакомой пеленой смерти глаза наконец-то сдохшей нечисти, я тихонько встал за вешалкой. И когда голова пожирателя trebuхи осторожно выглянула из-за двери, я протянул вперед обе руки и от души рубанул по шее твари обоими клинками – одним сверху, другим снизу. Душевно так, со всей дури прошелся, словно ножницами, но с оттягом на себя.

Деревянное лезвие скользнуло по жилистой шее твари в районе затылка, не причинив ей ни малейшего вреда. Зато серебряное вскрыло горло чуть не до самого позвоночника.

Булькнув горлом, оборотень инстинктивно подался было назад, но я притормозил его движение, отпустив рукоять деревянного ножа и схватив тварь освободившейся рукой за волосы. После чего рванул голову на себя и одновременно вторично резанул серебряным клинком по шее, довершая начатое.

В моей руке осталась голова оборотня, а тело, повинаясь инерции моего рывка, завалилось в глубь коридора. Вот это нож! Одним ударом перерубить мышцы, связки и позвоночник не каждому топору под силу!

Удивился не только я – с площадки донесся изумленный вздох.

Я не стал ждать, пока воздух выйдет обратно из груди тре-

тьего любителя крови, трансформировавшись в предупреждающий крик для тех, кто остался у подъезда. Резко рванув дверь на себя, я выскочил на площадку, одновременно всаживая окровавленный серебряный клинок в середину черного силуэта, выделяющегося на фоне тускло освещенной лестничной клетки.

Я попал туда, куда метил. Неродившийся крик захлебнулся, превратившись в хрип. А я, свободной рукой ухватив оборотня за рукав куртки, продолжал наносить удары кинжалом в корпус со скоростью швейной машинки.

Клинок входил в плоть легко, словно в масло, и после каждого удара тело монстра сотрясалось, словно в него били электрическими разрядами. Не реагирует так на ножевые ранения человеческий организм. Ножевые ранения вообще не ощущаются людьми как фатальные, даже если они смертельны. Потому тактика ножевого боя на поражение это нанесение ранений, сопровождающихся обильным кровотечением, либо удары с гарантированным летальным исходом в сердце, глаза, висок или шею. И, судя по реакции незадачливого киллера, сейчас я и вправду убивал не человека, а нелюдя, пришедшего забрать мою жизнь...

Резким движением я забросил обмякшее тело в квартиру, выглянул на мгновение наружу и тут же захлопнул дверь за собой. На площадке больше никого не было. Отлично. Соседи, если даже чего и видели, прикинув к дверным глазкам, пока еще в шоке от увиденного. И минут десять – пятнадцать

до приезда ментов у меня точно есть.

Я обернулся. В тусклом свете ночника три мертвеца, валяющиеся друг на друге, напоминали большую навозную кучу. В которой, прежде чем уйти, мне еще предстояло покопаться.

Перво-наперво я положил липкий от крови кинжал на пол и обшарил карманы трупов. Что не дало мне практически ничего – немного денег, пара плотно набитых «беломорин» с характерно завернутыми цилиндрами из папиросной бумаги, зажигалки, дешевые ножи-выкидухи. Джентльменский набор гопоты, коптящей московское небо вонючим дымом легких наркотиков и пивных испарений.

У того, чью голову я почти отделил от тела «розочкой», в кармане был фирменный спичечный коробок ночного клуба «Bloody Mary». «Кровавая Мэри», ишь ты! Тематическое название. О таком клубе я не слышал, но название на всякий случай запомнил – мало ли, вдруг пригодится.

Пока я ворочал трупы, мой желудок проснулся снова. Черт, я и не думал, что запах крови может так сводить с ума... Под конец единственным моим желанием было впитаться в рану на шее мертвеца и глотать, глотать, глотать пьянящую жидкость, пока не отпустит нереальный голод, крутящий спазмами мои внутренности...

Но я пересилил себя. Вот уж не было печали как испытывать наркоманские ломки при виде кровищи! Хрен вам, твари, не дождетесь!

Подобрав ножи Папы Джумбо, я наскоро вымыл их в ванной и заодно ополоснул руки и лицо. После чего вытер их собственным носовым платком, проигнорировав не особо свежее полотенце, висящее на веревке, — лишние улики ни к чему. Взглянув в зеркало, я отметил несколько свежих темных пятен на куртке, но решил, что на камуфляже они не будут так уж сильно бросаться в глаза.

Времени у меня оставалось немного. По всем параметрам дружки убитых с минуты на минуту должны начать беспокоиться по поводу затянувшегося разговора с «мясом», да и любопытные соседи по лестничной клетке могут уже прийти в себя от увиденного и решиться набрать на телефоне пару заветных цифр. Короче говоря, пора было сматываться и заодно решать задачу номер два, ради которой я, собственно, сюда и заявился.

На вешалке висела Васькина телогрейка, шапка-ушанка и ватные штаны. Штаны я проигнорировал, а вот телогрейку с шапкой натянул на себя, мысленно попросив прощения у хозяина: «Извини, Вась, но теперь они тебе ни к чему. А мне, возможно, жизнь спасут».

Перед выходом из квартиры я тщательно протер подошвы ботинок о полы пальто первой твари — не оставлять же кровавые следы по всему подъезду. После чего покинул квартиру, на всякий случай заперев дверь Васькиными ключами. Глядишь, пока милиция будет возиться с замками, я успею свалить отсюда подальше.

Из подъезда я вышел вразвалку, надвинув ушанку по самые брови и подняв воротник.

Так и есть, четверо недорослей стояли у входа, буравя меня недоверчивыми взглядами. Что ж, будем надеяться, что Васькина спецодежда достаточно пропахла дешевым табаком и помоечными ароматами, для того чтоб через это амбре звери в человеческом обличье не учуяли свежую кровь своих товарищей на моем камуфляже.

– Здравствуйте, – сказал я душевно. И повернулся к ним спиной, доставая ключи от мусорной камеры...

Какой бы ты ни был суперниндзя, но если на твоей стороне нет фактора неожиданности, с которым мне крупно повезло в Васькиной квартире, то четыре отморозка с ножами в карманах имеют все шансы превратить тебя в дуршлаг, пока ты будешь корчить из себя Чака Норриса. К тому же, когда на тебя пялятся из окон десятков старушек, мающихся от безделья и с телефонами под боком, даже в случае удачной ликвидации подростковой банды московский Норрис имеет все шансы загреметь в ментовку. Что в свете натюрморта, созданного мной и кровососами пятью этажами выше, в мои планы решительно не входило. Видели что Витькины соседи, не видели – еще вопрос, но уж наши подмосковные бабушки сто пудов тут же отзвонят по ноль-два, как только увидят малейший намек на уличную махаловку.

За моей спиной повисло тягостное молчание. Твари мучительно соображали. Я почти слышал за спиной, как мед-

ленно, словно толстые черви в банках, с чавканьем ворочаются извилины в их отнюдь не человеческих черепах. Старший с товарищами пошли мочить дворника и его жену и за каким-то хреном ждать мясо (кстати, за каким именно, мне еще предстояло выяснить). Итак, мясо появилось, вошло в подъезд, поднялось на этаж. После чего из подъезда вышел... дворник.

Информация явно не укладывалась в обдолбанные мариуаной межушные ганглии. Я же, сняв замок, обернулся и добавил кровопийцам пищи для размышлений:

– Напарник вот на работу не вышел. А мне из ДЭЗа звонят, иди, мол, вместо него. Ну прям мне делать нечего в выходной...

С этими словами я нырнул в мусорную камеру, оставив недорослей снаружи переваривать дополнительную вводную.

За дверью был вонючий бокс два на два с квадратным черным жерлом, из которого в подставленный фанерный ящик на колесах валяются отходы жизнедеятельности, скидываемые в мусоропровод населением подъезда. В данный момент из жерла ничего не валилось. В нем, словно в телевизоре, сидела толстая крыса и смотрела на меня мудрым взглядом буддистского монаха, потревоженного во время медитации.

– Я на минутку, – шепнул я крысе, кривясь от шибанувших в нос помоечных ароматов.

В свое время мне потребовалось полтора часа, чтобы обо-

рудовать тайник, который можно было бы при необходимости вскрыть за полминуты. Сложного здесь ничего не было – фанерка, загодя крашенная под цвет стены и прямо на месте при свете фонарика подпиленная под необходимый размер, надежно прикрыла естественную нишу, в которой скрылся мой чемоданчик. Крысам чемоданчик был явно не по зубам, а того, что Вася или его сменщик случайно обнаружат мою закладку, я не боялся – в углу бокса, загораживая тайник, стояли лопаты, метлы, веники и пара ломов. Как говорил наш инструктор по спецподготовке майор Громов, «оборудуя схрон, не забывайте об обычных предметах, которые другому человеку будет просто лень двигать туда-сюда».

Сдвинув в сторону охапку «обычных предметов» дворничьего ремесла, я просунул руку между стеной и мусоропроводом и одним движением оторвал фанерку.

Есть!

Я вытащил объемистый стальной кейс, в котором дипкурьеры возят особо секретные документы. Чтобы спецчемоданчик не особо бросался в глаза, он был выкрашен в матово-черный цвет и сильно смахивал на обычный, разве что чуть более объемистый «дипломат».

Задерживаться дольше в мусорной камере смысла не было. Я положил чемодан в наполовину заполненный ящик для мусора и взвесил на руке один из ломов. Нормально. С учетом того, что один конец лома заострен, а к другому приварен за обух топор, более чем нормально. Многофункциона-

нальное оружие, хоть и немного тяжеловатое. Но не метлой же отгонять кровопийц в случае чего. А выходить наружу с голыми руками против четверых вооруженных противников не хотелось. И с чемоданом возиться времени не было, того и гляди молодежь сообразит, что уж больно много дворников обитает в одном подъезде.

Левой рукой я ухватился за веревку, привязанную к ящику, и, навесив на лицо сосредоточенную маску человека, выполняющего важную миссию, покинул бокс, подмигнув на прощание крысе. Которая, кстати, так и не подумала сдвинуться с места во время моих достаточно шумных манипуляций.

Четверка юных кровопийц продолжала стоять на прежнем месте, переводя взгляды с меня на подъезд и обратно. Эх, жаль, что их тут слишком много! Из-за чего сейчас идти в свою квартиру равносильно самоубийству. Хоть за тетю Валью поквитаться очень хочется, но, видать, с отмщением придется повременить. Сейчас бы до Васиной «шестерки» добраться без приключений, вон она стоит, родимая, сразу за синим «Рено»...

Без приключений добраться не получилось.

– Слышь, ты! – раздалось за спиной.

– Чево? – бросил я через плечо и не подумав остановиться. Краем глаза я видел, как наиболее рослый из недорослей, затянутый в косуху, отделился от группы и двинулся за мной.

– «Ничево», деревня, – ответствовал недоросль, суя руку

в карман. — На хрена тебе лом?

Действительно, лом, специально модернизированный дэ-зовским сварщиком для колки льда на асфальтовых пешеходных дорожках, в ноябре смотрелся несколько странно.

Н-да, подвело меня глобальное потепление. Крутить в полумраке мусорного бокса четыре колесика кодового замка чемодана, пытаясь рассмотреть выдавленные на них циферки, было делом заранее обреченным на провал. Вот лом и прихватил за неимением лучшего. Правда, думаю, этот в ко-сухе и без лома нашел бы к чему докопаться. А так хоть какой-то шанс.

— Надо, — сказал я грубовато. — Работать не мешай.

Мне показалось, что именно так должен ответить уважающий себя дворник в подобной ситуации.

Но недоросль в ко-сухе думал иначе.

— Стоять, козел! — прорычал он, выдергивая руку из кармана.

Понятно. На улице клыками сверкать им, похоже, религия не позволяет. А вот выкидухой помахать — это у них в порядке вещей. Только очень интересно, как он собирается с ножиком против лома воевать?

Но следующее движение недоросля развеяло мои сомнения. Знакомое такое, короткое, от бедра снизу. Так называемое безоборотное метание, когда нож летит в лицо противника не вращаясь в воздухе, а по прямой, словно стрела, — ни увидеть, ни отклониться в сторону... Если, конечно, сам не

убил какое-то время на необязательные тренировки по метанию ножа – полузабытое направление спецподготовки диверсантов, постепенно затухающее под обилием различных модификаций огнестрельного оружия.

Ножа я, естественно, не видел – траектория его полета проходила как раз на уровне моих глаз. Интересно, кто их учит таким приемам?

Додумывал мысль я уже в рывке, уходя с линии броска по диагонали и вперед. При этом моя правая рука, занятая ломом, на долю секунды осталась на месте – инерция тяжелой железяки при таком скоротечном бое вещь труднопреодолимая. Но возможная – если, конечно, очень надо и при этом не жаль плечевого сустава. Который я, кстати, чуть не вывернул из суставной сумки, разгоняя тело и вкладывая весь его вес в бросок.

Тренер-метатель был у кровопивца хороший. А вот прыгать в сторону от летящих предметов не научил. Реакция у парня в косухе имелась, он даже попытался присесть, уходя от лома, летящего в него на манер копья. Но получилось у него это неважно.

Топор, приваренный к стальной палке, вошел ему точно в переносицу, и я явственно услышал хруст лицевых костей, вминаемых в черепную коробку. Неприятный звук, меня аж слегка передернуло. Неэстетично, конечно, но, извините, не я первый начал.

Трое у подъезда замерли, открыв рты. Понятное дело, я б

в их нежном возрасте тоже слегка обалдел от такой картины – вожак, валяющийся на боку и дрыгающий ногами, в башке – лом, из морды – кровь толчками хлещет.

Ждать, пока они выйдут из ступора, я не стал – выхватив из мусорного ящика свой чемодан, рванул к машине, свободной рукой доставая из кармана ключи.

Они слишком поздно осознали, что увалень-дворник оказался неожиданно шустрым и теперь банально от них сваливает. Я захлопнул дверь, воткнул ключ в замок зажигания и повернул, очень сильно молясь кому-то, чтобы Васина «шестерка» именно сейчас не вздумала капризничать.

Этот «кто-то» меня услышал. Она не вздумала.

Мотор чихнул – и недовольно заурчал, словно сонный медведь, потревоженный в своей берлоге. Я вдавил педаль газа и ухмыльнулся, с удовольствием наблюдая в зеркало заднего вида удаляющиеся фигуры, бестолково машущие руками. Но улыбка немедленно сползла с моего лица, когда позади тех фигур я успел разглядеть шатающийся силуэт, встающий с земли и медленно выдирающий из своего лица всаженный туда мною топор для колки льда.

***

Отъехав пару километров от места битвы, я притормозил у обочины. За шиворот сочилось липкое и теплое, и это раздражало.

«Все-таки не Рембо я, чтобы безнаказанно камнями вертолеты сбивать», – мелькнула мысль, когда я, вытянув шею, рассматривал в зеркало заднего вида широкий порез под ухом. Нож кровососа в косухе все же полоснул по коже – хорошо, что до артерии не достал. Не выпендриваться надо было, а резче уходить в сторону. Хотя это значило бросить лом на асфальт, и тогда неизвестно как бы все обернулось.

Заниматься мгновенной регенерацией мой организм не спешил – хорошо, что хоть кровь почти остановилась, и на этом спасибо. Но в то же время разглядывать дырки в шкуре, ожидая дальнейших милостей от природы, было слегка недосуг. К тому же чего на них пялиться? Дезинфицировать и перевязывать надо, черт знает где кровосос своим пером ковырялся. Потому, прервав созерцание, я положил черный «дипломат» на колени и, поколдовав с минуту над хитрым замком, открыл свой «дембельский чемоданчик».

В такие моменты мне всегда вспоминался душевный рассказ О'Генри про профессионального взломщика сейфов, у которого тоже имелся чемодан с идеальным набором инструментов его криминального ремесла. Бес его знает, зачем я все годы службы собирал вот этот личный набор, которому крепко позавидовал бы средневековый ниндзя. Может, чувствовал чего? Уже упомянутый мной инструктор по спецподготовке майор Громов, сильно повернутый на восточной тематике, как-то сказал: «У каждого в жизни есть свое предназначение. Часто мы движемся к цели не осознавая, куда и

зачем несет нас река жизни. И выплывет лишь тот, кто не сопротивляется потоку».

Я не особо разбирался в восточных философских замутах, которые уважают многие серьезные мастера единоборств, предпочитая практическую сторону вопроса. Тем не менее я никогда не пытался обуздать свою тягу спереть или прикупить по случаю предмет, который мне в то время был не особо и нужен. В общем, не сопротивлялся потоку. В результате чего и образовалась у меня коллекция, состоящая из:

а) НРС-2, то есть ножа разведчика специального с копьевидным клинком, пилой на обухе и рукоятью, снабженной вставкой, посредством которой в сложной ситуации можно произвести неприцельный выстрел бесшумным патроном СП-4, необычная цилиндрическая пуля которого на расстоянии двадцати метров способна пробить стальную каску;

б) пары десятков этих самых СП-4, аккуратно вставленных в специально высверленные гнезда подложки чемодана, под дембель сделанного на заказ строго по форме снаряжения, размещенного в нем;

в) двадцатикратного бинокля со встроенным прибором ночного видения;

г) универсальной экспериментальной натовской аптечки, стоящей на черном рынке как чугунный мост и содержащей необходимый минимум медицинских инструментов и препаратов для экстренного возврата в строй военнослужащего

в полевых условиях;

д) набора отмычек, сверл и иных приспособлений, предназначенных как для проникновения в закрытые помещения, так и для вскрытия сейфов;

е) набора приспособлений для проникновения на территории, огороженные заборами, обнесенные колючей проволокой, а также снабженные видеокамерами и датчиками движения;

ж) часов американских «Special Forces» и компаса той же команды «освободителей угнетенных»²;

з) сшитого на заказ набора тонких и прочных чехлов и ремней для закрепления всего этого хозяйства на моей фигуре в различных вариациях в зависимости от поставленной задачи.

Такая вот «абэвэгэдэйка», за которую при обнаружении ее правоохрнительными органами хозяин чемоданчика, то есть я, поймел бы очень много проблем, неразрешимых в ближайшем будущем. Однако в объективном настоящем данный набор должен был мне очень сильно пригодиться.

Для начала я продезинфицировал рану на шее и, стянув ее края, наложил повязку со специальным медицинским клеем, рассудив, что на шее шкура тонкая, обойдемся без швов. После чего чахнул еще с пару минут над своими сокровищами, как царь Кощей над золотом, перебирая и осматривая предметы, – говорят, знакомая тема для любого коллекционера.

---

² «De Oppresso Liber» – лат.

Но особо чахнуть времени не было – до наступления темноты желательно было прибыть к месту дислокации цели номер один. То есть к жилищу оборотня по прозвищу Мангуст, ибо располагалось оно несколько ближе резиденции Большого Грогги. Потому я, взяв лишь навороченные штатовские часы, с явным сожалением захлопнул чемодан и пристроил его на заднее сиденье, накинув сверху старый Васин дождевик, перешедший мне по наследству от хозяина в комплекте с машиной.

– Намек на девиз «Зеленых беретов» «Угнетённых освободим».

Цель номер один, то есть жилище Мангуста, находилась в коттеджном городке, расположенном в блажном месте, где цена земли была просто нереальной, словно в ней залегала легкодоступная золотая жила.

К сожалению, портативный JPRS, встроенный в часы, пока для моих целей не годился – надо было подключаться к Интернету и обновлять программу. Но, к счастью, в бардачке «шестерки» обнаружился старенький аналогичный прибор китайского производства. Не иначе Васька – светлая ему память – калымил в свободное от работы время.

Осторожно присоединив прибор к прикуривателю шнуром, в нескольких местах обмотанном изолентой, я порадовался от души – несмотря на плачевный внешний вид, JPRS функционировал, что в моем положении было очень кстати. За время моего отсутствия Москва сильно изменилась, да и

машины у меня сроду не было, только автодело в школе да армейская практика, так что вряд ли я бы с ходу нашел дорогу. Теперь же дело упростилось значительно.

Знакомый вредный голос известного политика сообщил мне, что стоять на месте нелучший выход в моем положении. Подивившись изобретательности российских кулибинных, адаптировавших программу навигатора под реалии современной жизни, я завел мотор и поехал куда указывала желтая стрелка и глас одного из сильных мира сего, попутно размышляя о том, что за нелегкая свалилась на мою голову.

Ситуация была очевидно бредовая. Я ехал в коттеджный городок, чтобы выпить кровь то ли человека, то ли зверя в его образе, оставив за спиной семь «двухсотых». Причем четырех из них я сделал своими руками. И один из них десять минут назад на моих глазах пытался вытащить лом из своей головы, пробитой им до затылка.

Плюс ко всему этому мои раны, затягивающиеся за несколько часов, зубы, сами по себе оздоровившиеся, избавившиеся от пломб и коронок и теперь по-киношному неординарно реагирующие на кровь... И необъяснимые позывы желудка при виде таковой.

Приходилось примириться с мыслью – я остро, до помешательства, чуть не до потери сознания хотел пить человеческую кровь. Ее настоятельно требовал мой организм, хотя сознание всеми силами противилось этой мысли. Какой бы закаленной ни была твоя психика, но осознание того, что

тебе придется рвать людские шеи и глотать кровь из прокушенных тобой артерий, кого угодно заставит чувствовать себя не в своей тарелке.

Мелькнула мысль обратиться к психиатру – может, я от удара по головушке с катушек соскочил? Мелькнула – и пропала. Не улыбалось мне как-то до конца жизни сидеть в дурдоме, облизываясь на шеи злых санитаров и соседей по палате.

Поэтому оставался один выход – давить педаль газа и ни о чем не думать. Как в армии. Задача на выживание поставлена, теперь остается ломать голову лишь о ее выполнении, а не о морально-этической стороне вопроса. Тем более что другого выхода пока я не видел, кроме вышеупомянутого с психиатром и санитарями.

«По крайней мере, если я действительно сбрендил, то на выходе все равно будет то же самое – дурдом с навязчивым сервисом», – усмехнулся я, сворачивая с Кольцевой.

Через некоторое время дорога углубилась в лес, и вдоль серой ленты шоссе потянулись редкие дорожные знаки с силуэтами оленей и волков в обрамлении светящихся лампочек. Про то, что знак с оленем есть в ПДД, я помнил, хотя в реальности встречал лишь раза два. А вот волка в красном кружке на белом фоне видел впервые. Но и лампочки, понатыканные по окружности знаков, тоже вроде ГИБДД не регламентировались. Так что в данной местности, похоже, свои правила дорожного движения. Что ж, учтем на будущее.

Политик из навигатора сообщил недовольным голосом, что до цели моего путешествия осталось пятьсот метров.

Исходя из того, что в элитный поселок вряд ли пустят камуфлированного типа на «шестерке» с ржавым багажником на крыше, я сбросил скорость, съехал с шоссе и осторожно углубился в лес. Метров через десять тесный просвет между вековыми стволами превратился в деревянный тупик, но большего мне и не требовалось. С шоссе машину не видать – и ладно.

Я вышел наружу, раскрыл чемоданчик и не спеша экипировался, разместив на себе все необходимое для добывания крови оборотня, проживающего на охраняемой территории. Попрыгав на месте и помахав руками-ногами, протестировал экипировку на предмет удобства, громохання и вываливания из чехлов в самый неподходящий момент. Не найдя изъяна, я выдохнул знаменитое гагаринское «Поехали!» и выдвинулся вперед вдоль шоссе, хоронясь за деревьями при звуке проезжающих по шоссе автомобилей.

Таковых оказалось немного, и до поселка я добрался быстро. «Нормально так живут олигархи», – хмыкнул я, оценивая вполне грамотно оборудованное КПП с двумя скрытыми огневыми точками, позволяющими без проблем простреливать подступы к стальным автоматическим воротам.

Правда, если контрольно-пропускной пункт строили специалисты, то охраняли поселок раздолбаи из какого-то ЧОПа. Один курил, облокотясь на перила возле входа в КПП,

второй, стоя рядом, что-то ему доказывал, отчаянно жестикулируя. На что первый обращал внимания не больше, чем на муху, летающую рядом, но пока не особо досаждающую.

Полюбовавшись в бинокль на разборки местной стражи, я переключил внимание на стену, которую мне предстояло преодолеть. В принципе, ничего сложного. Два с лишним метра кирпича плюс «Егоза» поверху. И охота же людям за свои кровные жить в элитном концлагере? Хотя, если верить Папе Джумбо, в таких «концлагерях» люди живут редко, так как денег на покупку недвижимости в таких местах у простых людей из плоти и крови обычно не бывает. Кстати, случайно ли на Руси сбережения называют «кровными»? Типа, без питья крови кровных не заработать? Так, ладно, посторонние мысли потом, главное – дело.

Согласно инструкциям Папы, нужный мне коттедж находился за стеной неподалеку от ворот – «войдешь через КПП и сразу налево вдоль забора, третий дом». Угу, проблема только в «войдешь». Хотя дело мастера боится.

А мастер – дела...

Честно говоря, совсем не хотелось мне лезть через этот забор. Не особенно я представлял, что буду делать, проникнув в коттедж Мангуста. Вернее, что делать – было в общем-то понятно. Кровь пускать, и это было не самое сложное. Как-никак, много лет учился этому делу. А вот пить выпускаемое отцы-командиры как-то не научили. И хотя мой желудок хлебнуть чужой юшки был очень даже не против, мозг отча-

янно сопротивлялся подобной перспективе. В то же время осознавая, что в свете последних происшествий, похоже, без данной процедуры не обойтись. И на стыке этих конфликтов рождались некоторые колебания внутри моего «я», до этого привыкшего выполнять поставленные задачи неукоснительно.

В связи с чем пришлось остановиться, глубоко вдохнуть-выдохнуть несколько раз, вспомнить подетально увиденное в квартире дворника и мысленно приказать самому себе: «Вперед, солдат! Перед тобой боевая задача, от выполнения которой зависят жизни многих людей, которых ты не дашь сожрать и обескровить, если останешься жив. Поэтому сначала выживи, потом разберись в истинном устройстве мира, а уж после решай как спасать русских Васек и тетя Валь, до которых пока не добрались нелюди. А что делать для того, чтобы выжить, ты знаешь. Вперед!»

После такой прокачки мозг временно сдал свои позиции. Что и требовалось. Потому как сомнения во время выполнения задачи есть самый страшный враг.

По-прежнему не высываясь из лесного массива, я двинулся вперед в указанном направлении, держа стену в поле зрения и мысленно прикидывая, где может находиться «третий дом вдоль забора».

Забор был добротным и практически бесконечным, значит, домики за ним должны были быть нехилыми по размерам. Но в то же время если это городок, а не отдельное част-

ное владение, то в среднем участки там должны быть соток по пятнадцать – двадцать. Значит, чтоб попасть на одну линию с нужным домом или близко к этому отсчитываем где-нибудь метров сто двадцать – сто тридцать от КПП.

Отмерив на глаз намеченное расстояние, я выщелкнул из напульсников складные стальные когти, удобно легшие в ладони, и при помощи этого нехитрого приспособления достаточно быстро залез на дерево.

Залез, убедился, что не ошибся в расчетах, – и присвистнул. Понятное дело – вдоль шоссе, по которому я ехал, встречались коттеджи весьма неслабые. Но такая концентрация всевозможных архитектурных изысков, собранная в одном месте, поражала мое неокрепшее после службы воображение.

«Да, дядя Андрей, похоже, жизнь твоя потрачена зря», – хмыкнул я, вспоминая размер своей зарплаты и соотнося ее с возможной стоимостью самого захудалого домишки, расположенного за забором. Получалось, что за тысячелетие непрерывного труда я вполне мог скопить на какую-нибудь заборную недвижимость.

«Станешь вампирооборотнем – и все в твоих руках», – поиздевался над хозяином мой внутренний голос, наверно, в отместку за недавний мысленный прессинг. «Они ж, судя по кино и книжкам, вечно живут, вот и займешься».

Приказав голосу заткнуться, я по возможности поудобнее разместился на толстой ветке, вновь достал бинокль и при-

нялся изучать цель своего визита.

Цель оказалась трехэтажным домом, выполненным в тягеловесном готическом стиле с башенками и всеми наворотами, присущими олигархическому жилью начала третьего тысячелетия. Располагался дом, как и предполагалось, на участке размером соток в двадцать, обнесенном индивидуальным кирпичным трехметровым забором с тремя рядами тонких стальных ниточек поверху.

Кстати, знакомая конструкция. Если хозяевам объекта претит каждый день ощущать себя находящимся в собственноручно возведенной тюрьме, обнесенной колючей проволокой или спиралью Бруно, поверху забора тянут стальные нити под током. На мой взгляд – фигня собачья, все равно с «брунькой» по эффективности ничто не сравнится. А эти новомодные навороты – как и «колючка» кстати – со времен Первой мировой преодолеваются при помощи наброшенной на них телогрейки. Если, конечно, нет иных, более современных, способов проникновения на столь трепетно охраняемую территорию.

Я внимательно изучил в бинокль объект, уделяя самое пристальное внимание деталям.

Детали не вдохновляли. Архитектор, проектировавший коттедж, думал не только о красивости, но не забывал и о безопасности тоже. Видеокамеры, сопряженные с датчиками движения на заборе, весьма грамотно перекрывали сектора видимости, не оставляя «мертвых зон» и шансов для зло-

дея вроде меня проникнуть на объект незамеченным. Стало быть, путешествие через забор отменяется.

– Мы пойдем другим путем, – пробормотал я, в последний раз визуально оценивая сложность объекта. Окна, судя по толщине стеклопакетов, скорее всего, из пуленепробиваемого стекла. Значит, через них внутрь не проникнуть. Угу. Далее смотрим. Беседка. Для моих целей объект бесполезный совершенно. Ворота подземного гаража, напоминающие вход в охраняемый бункер. Это отпадает сразу, пройти через них можно лишь посредством направленного взрыва. И всё. Беседка, гараж, дом. Аптека – улица – фонарь, блин. И ни с какой стороны не подступиться. И табличка на стене черным на белом фоне – *Wolfsschanze*³. Что, между прочим, бесит. Интересно, они не забыли чем закончили в прошлом веке обитатели объекта с аналогичным названием? Хотя если Папа Джумбо не наврал – а я все больше убеждаюсь, что не наврал, – то как еще назвать сей коттедж, как не «волчье логово»?

Так, ладно, лирика потом. Вернемся к сложности объекта. Ага. Вот и дополнительные проблемы помимо вышеописанных нарисовались из-за угла дома и деловито протряхали по территории с гладко выбритым газоном, не обращая внимания на понатыканные вдоль дорожек фонари, выполненные в старинном стиле.

---

³ *Wolfsschanze* (нем.) – «Волчье логово», главная ставка Гитлера в Восточной Пруссии.

Вокруг коттеджа размеренно наматывал круги угрюмый питбультерьер – медвежий капкан на ножках, через полминуты после захвата конечности или горла врага теряющий чувствительность к боли. Жуткий зверь. Если не договоримся, придется с ним повоевать – и, желательно, по-тихому.

Весь мой предыдущий опыт подсказывал – несмотря на внешнее ограждение и чоповцев на КПП, в таком доме вполне вероятно встретить пару человек личной охраны с автоматами. А автомат на ограниченной территории безопасен только для Терминатора и его киношных клонов. Я же, увы, не Терминатор, и продуманный коттедж, на который я плююсь уже минут двадцать, – увы, не декорация.

Но с другой стороны, можно еще долго сидеть на дереве лемуром и лупоглазить в инфракрасный бинокль, сокрушаясь по поводу предусмотрительности хозяев *Wolfsschanze*. Только целебной крови в организме от этого не прибавится. А время, увы, поджигает.

Стало быть, пора действовать.

Прикинув на глаз расстояние от себя любимого до крыши дома, я извлек из чехла спецкомплекс «Гарпун». Штуковина действительно походила на оружие для отстрела зазевавшихся рыб – пистолетная рукоять, ствол и вставленная в него стрела со сложенными по бокам металлическими «крылышками». Конструктивные особенности устройства я понимал очень примерно, как говорится, кто на что учился. Наше дело – использование штуквин, придуманных яйцеголовыми

для выполнения боевой задачи, а не составление рефератов по ТТХ спецсредств. Хотя майор Громов, было дело, и этим заставлял заниматься.

Но занятие по тактико-техническим характеристикам «Гарпуна» было давно, потому я лишь в общих чертах представлял, что устройство пуляет стрелой из какого-то хитрого сплава за счет активизации специального бесшумного патрона на базе СП-5, только размером поболее. Стрела тянет за собой тончайшую стальную леску, пока не воткнется в цель, после чего в ней срабатывает мини-лебедка, которая ту леску сматывает, вытягивая за собой тонкий и шибко прочный трос, в натянутом состоянии выдерживающий спецназовца в полной экипировке. В общем, такое вот бесшумное средство воздушной транспортировки нашего брата из точки А в точку В. В данном случае – на крышу.

Всем хорош «Гарпун» но, как и в любой хорошей вещи, есть в нем свои недостатки. А именно – ежели стрела в цель не воткнулась, считай, дорогуший выстрел пропал зря. Во избежание запутывания лески, встроенный ограничитель леску отсекает, а бесполезная стрела взрывается с негромким «пук!», дабы суперсекретная технология врагу не досталась. Смех и грех. «Пук» хоть и тихий, но внимание находящегося неподалеку противника привлечь может вполне. И найди тот противник на месте «пука» металлическую «розу» на стебельке, будет тревога и кирдык нашей спецуре, от врага скрытно на крышу вражьей постройки попасть пы-

тающейся.

Хотя на крышу мне было не надо. Смысла не было – уж больно хорошо конструкция дома продумана на предмет, чтоб посторонние в него не лазили. Алмазным резакom бронестекло не возьмешь, потому по-хорошему даже с моей коллекцией спецсредств оставалось только развернуться и двигать обратно к машине.

Но тем и отличается русский спецназ от их «дельта-форсов» и других «коммандос». Там, где специалист сил особого назначения стран продвинутой демократии глубокомысленно качает головой и вызывает пару вертолетов поддержки, наша спецура идет вперед, зная, что вертолетов, скорее всего, не будет и задачу выполнять придется своими силами. Как выполнять? А хрен его знает как. Можно зло стиснув зубы, можно с веселой дурью в глазах, не думая о последствиях, принимая на полосатый тельник все тяготы и лишения. И зная, что наш человек зачастую побеждает в бою потому, что идет вперед там, где другие думают и глубокомысленно качают головами.

Поэтому сейчас я целился из «Гарпуна» в предполагаемый стык меж стальными листами перекрытия, прикрытыми декоративной черепицей, и прикидывал, хватит ли мне длины троса, чтоб не только протянуть мост меж деревом и домом, но и использовать его заместо лифта.

У «Гарпуна» помимо перечисленных недостатков имелось одно хорошо продуманное достоинство – возможность

использования провиса троса для плавного спуска между вышеупомянутыми точками А и В. Провис создавался искусственно специальным приспособлением, потихоньку стравливающим трос по мере продвижения спецназовца к середине воздушной дороги. Но все это потом, главное – не промахнуться. Ведь кроме стрелы, заряженной в ствол, у меня имеется лишь одна запасная – и третьей не будет.

Отдача мягко толкнула руку, и я удовлетворенно крикнул, ощутив легкое натяжение струны, невидимой в сгустившихся сумерках.

Есть!..

Еле слышно зажурчал трос, вытягиваемый из кассеты с портативной бухтой, прикрепленной к костылю, загодя вкрученному мною в ствол дерева. Я отсоединил от троса бесполезный теперь «Гарпун», зарядил его второй стрелой и убрал в чехол. Дальше уже хитрая автоматика комплекса работала без моего участия.

Примерно через минуту меж деревом и домом протянулась туго натянутая воздушная дорога.

Слабовато я представлял себе, что именно буду делать, когда спущусь по ту сторону забора на стриженный газон, засаженный какой-то сильно устойчивой к нашим холодам травой. Хотя первоочередная задача имелась. Для начала надо было как-то договориться с питбулем – а дальше посмотрим по обстановке.

Выставив на кассете с бухтой слабо светящуюся зеленым

цифру «3», я зацепил за трос специальный миниатюрный ролик. Потом дождался, когда пит, протрюхав мимо предполагаемой точки моего десантирования, забежал за дом, вытащил левой рукой из чехла заранее заряженный и взведенный НРС-2, взял его в зубы и оттолкнулся ногами от древесного ствола.

«3» означало степень провиса «лифта», и рассчитал я его верно. Поджав ноги, чтобы не зацепить ботинками ограждение под током на верхней части второго забора, я плавно съехал вниз и отпустил рукоять ролика. В общем-то, тем же путем можно было вернуться обратно – нужно было лишь подпрыгнуть, ухватиться за рукоять с удобными подпальцевыми выемками, и электромотор выбрал бы слабину, предоставляя возможность вознестись вверх. После чего оставалось лишь, перебирая свободной рукой трос, вернуться в исходную позицию.

Однако, как показывает практика, возвращались спецы таким путем редко. Так как, во-первых, через тридцать минут после выстрела из «Гарпуна» в стреле и кассете срабатывал вышеупомянутый «пук!», в результате которого ты рисковал грохнуться всеми костями наземь с трехэтажной высоты, что никоим образом не способствует здоровью и долголетию. А во-вторых, противник тоже не дурак и за полчаса вполне мог обнаружить канатную дорогу и приготовить нашему брату в исходной точке какой-нибудь неприятный сюрприз. Исходя из чего наш брат предпочитал искать иные

пути для отхода.

Я бесшумно спрыгнул на траву и успел удивиться – надо же, она еще и зеленая! И это в ноябре! Искусственная, что ли?

Надо полагать, что спрыгнул я не совсем бесшумно, так как удивлялся не в одиночестве.

Подняв глаза, я увидел питбуля, слегка обалдевшего от такой наглости, – на ночь глядя какой-то тип вторгается на вверенную псу территорию и при этом еще ручку вперед выставляет, мол, все нормально, барбос, мир-дружба-сахарная кость.

На самом деле, выставляя вперед правую руку, а левой осторожно забирая стреляющий нож из зубов, я преследовал строго определенную цель. А именно – проверял на практике сложную наработку, которую до этого проверить не удалось.

Дело в том, что наш инструктор-кинолог капитан Петренко утверждал, что знает «слово» – так в народе называлось искусство укрощения как хищного, так и сторожевого зверя, кстати, описанное в классике. Помните у Киплинга: «Мы с тобой одной крови, ты и я»? Вот это оно самое и есть.

Когда на тебя собирается скакнуть выбежавшая «из дикого леса дикая тварь», надо представить себя такой же тварью, только гораздо более сильной и опасной, и вложить в тихий, успокаивающий рык вот это самое «мы с тобой одной крови». В практической психологии нейролингвистическо-

го программирования это еще называется «разрывом шаблона» – по идее, жертва должна с воплями кинуться бежать, а тут она эдак авторитетно заявляет на родном зверячем: «Спокойно, мы из одной стаи. А что на двух ногах и пахну перегаром, так я, сам понимаешь, начальник, то есть вожак. Что хочу, то и делаю».

Так утверждал Петренко – и, надо признать, на практических занятиях у него это получалось. Он безнаказанно входил в вольеры к исходящим злобной пеной бойцовым собакам, после чего деловито задирал офигевшему от такой наглости псу верхнюю губу и проверял прикус. Или же ловко подсекал зверюге лапы, валил на спину и начинал чесать ей брюхо, успокаивающе порывая. После чего через некоторое время псина начинала повизгивать от удовольствия. Создавалось впечатление, что Петренко реально трепался за жизнь с собаками, и те очень часто отвечали ему во вполне различных интонациях, мол, задолбала работа, ученики твои бестолковые и этот вольер, в отпуск бы, начальник, а?

Правда, те, кто видел голые руки капитана, исполосованные жуткими шрамами, понимали, что даром такое искусство не дается. Поэтому лично я предпочитал проходить курс работы с собаками и против собак в дресскостюме.

Сейчас же, само собой, толстого дрессировочного костюма на мне не было. Была лишь защищенная рукавом армейской куртки правая рука, причем «защищенная» – это громко сказано. Для раскормленного на хозяйских харчах пита

такая защита все равно что бумага. Прокусит и не заметит. Просто натасканные бойцовые псы обычно атакуют именно правую руку человека, блокируя активные действия и в конечном итоге пытаясь добраться до горла. Потому я и маячил перед псиной легкодоступной целью, на всякий пожарный выключив предохранитель на рукоятке и скрытым хватом держа в левой руке стреляющий нож.

Хитрый питбуль, почуявший неладное и вернувшийся с наработанного маршрута, стоял от меня метрах в трех, поигрывая гипертрофированными мышцами, словно опытный кикбоксер перед выходом на ринг. Кстати, мышцы у собаки были нереальными для этой породы – не иначе хозяин подкалывал зверя стероидами. Если это так, то мои попытки договориться вряд ли увенчаются успехом – что у людей, что у зверей избыток гормонов провоцирует неконтролируемую ярость. Но чем черт не шутит, вдруг получится? Не хотелось мне начинать свою миссию с убийства собаки, в отличие от людей твари верной и по-своему честной в бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.